

ГАЛИНА РОМАНОВА

КОНЕЦ ИГРЫ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Галина Владимировна Романова
Конец игры с продолжением
Серия «Детективы Галины
Романовой. Метод Женщины»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66635322

Конец игры с продолжением: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-160536-0

Аннотация

Подполковник полиции Егор Степанов неожиданно для себя стал отцом: его случайная любовница родила девочку. Но ему не до ребенка, у Егора большие проблемы: он узнал новость о рождении дочери в аэропорту и не сел в самолет, который позже потерпел катастрофу... Теперь родственники погибших пассажиров обвиняют Степанова в том, что он каким-то образом виновен в аварии. Их вдохновляет интриган Шныров, скользкий, неприятный тип, которому помогают библиотекарь Ольга и пожилая чета Власовых. Они готовы пойти на все, чтобы уничтожить Степанова, даже на самые крайние меры...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины

Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	54
Глава 7	65
Глава 8	77
Глава 9	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

**Галина Владимировна
Романова
Конец игры с
продолжением**

© Романова Г.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Рябая от дождя стеклянная стена аэропорта не позволяла рассмотреть, что происходит на улице. Он щурился, часто моргал, но так и не мог рассмотреть и сосчитать, сколько самолетов готовят сейчас к посадке. Ничего кроме размытых силуэтов стальных птиц и проблесковых огней, ломаными линиями тянущихся за спецтехникой.

Может, это не дождь виноват, а алкоголь? Он пьет уже второй час, не вставая с места, и ему все это время кажется, что алкоголь на него не действует. Не подавляет гнев, не возбуждает желание встать, поднять с пола ручную кладь и пойти уже, да – пойти к выходу с двузначным номером, где очередь становилась все жиже.

Он скосил взгляд на кожаную сумку, брошенную им у ножек соседнего стула. Дорогая, с ремнями, множеством кармашков на молниях и заклепках. Он сам сделал однажды подарок, путешествуя по Испании. Просто решил себя побаловать, раз больше некому. Выбрал, купил и сразу сложил в нее все свои вещи, а их в путешествиях было всегда мало. Прямо как сейчас. Смена белья, шорты, футболка, резиновые тапки. Сумочка с бритвенными принадлежностями, зубная щетка, паста, мыло, дезодорант и туалетная вода. Все это легко помещалось в его сумке. И даже оставалось еще свободное место, чтобы положить туда виски в бутылке из-под

кока-колы.

Он не был алкоголиком, нет. Просто очень боялся летать на трезвую голову. Предпочитал тревожное забытие нервному созерцанию плотной облачности через иллюминатор. И немного даже завидовал тем, кто в полете не отрывал восторженного взгляда от красоты небес. И вообще всегда старался найти альтернативный путь передвижения.

Всегда, но не сегодня. Сегодня к вечеру он должен оказаться в городе, в котором вот-вот родится его ребенок. Он обещал, что прилетит. Он обещал ей. И самому себе. Ребенок был ни при чем. Он не отвечал за их глупости.

Да, ребенок не нес ответственности за их скоропалительный курортный роман. За слезное расставание и кучу обещаний. За трезвые мысли, набросившиеся на мозг голодными псами по возвращении. За каторжную работу, не оставлявшую времени на долгие ночные разговоры о будущем. Он входил в квартиру, не всегда успевая разуться, падал на диван и засыпал мгновенно, как умирал. Уже утром принимал душ, чистил зубы, готовил себе завтрак. И уже утром сожалел, что ночью так и не смог поговорить с ней долго и проникновенно.

Самое скверное заключалось в том, что в этих разговорах не было ничего такого. Она не давила, не требовала, ничего не хотела от него. Просто слушала его голос и просила рассказать еще что-нибудь интересное. Доходило даже до стихов, которые он вспоминал с большим трудом. И странно:

когда он видел, что она звонит, то раздражался. А, поговорив с ней, ловил себя на мысли, что испытывает ощущение легкости и удивительного спокойствия. Словно ледяной воды напился в жаркий полдень.

Так продолжалось до недавнего времени. Точнее, до того момента, как она призналась, что примерно через три недели у нее родится ребенок. Его ребенок! И он должен, непременно должен прилететь, чтобы поддержать ее, чтобы быть рядом.

В первую минуту он опешил так, что буквально потерял способность говорить. Потом перепугался. А следом разозлился с такой силой, что принялся ее допрашивать.

– Почему ты говоришь мне об этом именно теперь?

– Так получилось... – не ответила, а шепнула она.

– Так получилось? Как – так получилось? Ты только сейчас узнала, что я отец твоего ребенка?

– Нет.

– Что – нет?!

У него темнело в глазах от праведного гнева и первобытного страха перед неизбежным. Он не готов! Он не хочет! Он не просил, черт побери!

– Я всегда знала, что ты его отец, – кажется, она всхлипнула. – Без вариантов.

– Почему молчала?

– Обстоятельства...

– Какие обстоятельства могли заставить тебя молчать,

Ирина?! – взревел он на беременную женщину, готовую вот-вот родить.

Идиот! Конечно, это было неправильно – так орать.

– Обстоятельства заставили меня заговорить, Егор.

– В смысле?

Он как раз стоял со стаканом в руке перед раковиной в кухне. Хотел воды попить. Он мог позволить себе пить воду из-под крана: фильтр установил высшей категории еще в прошлом году. Как раз перед отпуском, перед знакомством с ней.

– В каком смысле – обстоятельства заставили тебя заговорить? – Он вдруг понял, что наливает воду из горячего крана, взбесился и швырнул стакан в раковину. – Объяснись, Ирина!

– Я тебе все расскажу, когда прилетишь, Егор. По телефону не могу...

– Это одна из форм манипуляций, – объяснил ему психолог в отделе. – Держать тебя в состоянии ожидания, неизвестности. Она просто манипулирует тобой, не более...

Он решил не поддаваться ни на какие уговоры и на очередной ее звонок не ответил. Потом все же не выдержал и перезвонил сам. Трубку взял кто-то посторонний.

– Добрый день. Мне нужна Ирина.

Он закатил глаза, представив агрессивно настроенную мамашу. Дочь отошла куда-то, и та, пользуясь моментом...

– Ирина на процедурах, – ответила незнакомая женщина.

– На каких процедурах?

В памяти всплыл рекламный ролик для будущих родителей, в котором они делали совместные гимнастические упражнения для постановки дыхания и чего-то там еще.

Ключевое слово – совместные. Ирина там была одна. Или нет? Все же нашелся еще один отец, который поближе и поговорчивее?

– Ей ставят уколы, – прервала молчание женщина.

– Уколы? Какие уколы? – встряхнулся он.

– Те, что прописал ее лечащий врач.

– Ирина больна?

– Ирина три последних месяца лежит на сохранении, молодой человек. И сейчас находится здесь же, в больнице. Ждет дня родов, чтобы чего-нибудь не произошло, – кажется, женщина начала терять терпение, объясняясь с ним по чужому телефону.

– А вы ей кто? – задал он резонный вопрос.

– А я ей соседка по палате, уже две недели. И вы Егор, правильно?

– Так точно.

– Так вот, Егор, она сама никогда вам не скажет. А я скажу...

Тут послышались какие-то посторонние голоса. Видимо, в палату кто-то вошел и принялся говорить ей что-то строго и властно. Врач, понял Егор. После того как хлопнула дверь, стало тихо.

– Вы еще здесь? – окликнула его женщина.

– Да.

– Так вот, Егор, на самом деле с Ириной не все хорошо. Ей запретили рожать категорически. А она... – последовала пауза, в течение которой женщина трижды охнула и один раз протяжно застонала. – Простите, но, кажется, у меня начинается... Я буду вызывать персонал. А вы... будьте к Ирине внимательнее. У нее никого, кроме вас, нет. Поддержите ее...

Связь оборвалась, а он глубоко задумался. И думал достаточно долго. Почти две недели. Потом все же позвонил, извинился и спросил, что стало с ее матерью, которая – он точно знал – у нее была.

– Она умерла. Недавно. Сердце, – ответила женщина, которую он не очень уж всерьез воспринял на отдыхе и которая вот-вот должна была подарить ему наследника. Или наследницу. Он так и не уточнил.

– Что с тобой? Как твое здоровье? Твоя соседка по палате тут наговорила мне всего.

– Я знаю. Она призналась мне.

– Что за проблемы? Почему ты вынуждена лежать в больнице три месяца? И почему тебе не разрешали рожать?

Черт, эти вещи он должен был о ней знать! Они же так подолгу говорили. Он даже стихи ей читал.

– У меня тоже больное сердце, как и у мамы. Это наследственное. И я... Я могу умереть прямо во время родов,

Егор, – она легонько всхлипнула. – И тогда наш ребенок, наша девочка, останется совсем одна. Ее отдадут в дом малютки. Я не могу даже думать об этом без слез. Ты приедешь?

– Да, – ответил он твердо.

– Я сообщу тебе. Они будут делать операцию, чтобы не подвергать нас обеих опасности. Я сообщу тебе, когда это будет...

Он посмотрел на зареванную стену аэропорта. Сумасшедший дождь залил всю взлетную полосу, и пару рейсов уже отменили. А ему надо вылетать уже очень скоро. В очереди на посадку осталось всего три человека. Нельзя, чтобы и его рейс отменили. Сегодня вечером он станет отцом маленькой девочки. И он должен быть там.

Слегка качнувшись, он поднялся. Взял кожаную сумку и пошагал к нужному выходу. До него оставалось метра три, может, меньше, когда телефон зазвонил. Ирина! Это была она!

– Да. Я уже у трапа самолета. Вылетаю, – скороговоркой, не вполне внятной, произнес Егор, делая знак сотруднице аэропорта подождать.

– Это очень хорошо, что вы вылетаете, – проговорил незнакомый мужчина. – Вам нужно быть здесь в течение пяти дней, чтобы определиться с судьбой вашего ребенка.

– Это мы будем решать с ее матерью, не с вами, – неожиданно протрезвел он от неожиданного заявления.

Внутри все сжалось, подкатила тошнота. Не от выпитого

– нет. От противных слов противного незнакомого мужика.

– Сожалею, но Ирина Владимировна уже не сможет больше ничего решить. Она умерла два часа назад на операционном столе. А девочка родилась, и она здорова. К счастью, она унаследовала ваше здоровье, а не матери. Сожалею... – Мужчина из Иринино телефона помолчал и спросил: – Так вы прилетите? Вас ждать?

– Да. Прилечу.

Он оглянулся на столик, который занимал только что. На нем еще стоял бокал с виски. Недопитый им бокал. И его никто не спешил убрать.

– Я прилечу. – Он повернул обратно, добавив: – Но не сегодня...

Глава 2

– Вы должны меня понять! – с обидой и слезами воскликнул мужчина, сидевший перед капитаном Артамошиным.

– Я вас понимаю, – сдержанно ответил тот и даже кивнул для пушей убедительности. – И еще как!

– У вас тоже погибла семья в авиакатастрофе?! – Мужчина вытаращил на него выцветшие от слез глаза. – Простите, не знал.

– Простите, но вы меня неправильно поняли. – Артамошин потер ладонями лицо, чтобы раздраженный взгляд не просочился, не оскорбил убитого горем человека. – На самом деле у меня нет семьи. Я никогда не был женат. Просто я могу представить, каково вам. Вы испытали шок. И...

– Шок?! Вы это называете шоком?! – Мужчина посмотрел на него как на дефективного, – с жалостью и скорбью. – Не дай вам бог испытать то, что испытал я! Что испытали все родственники пассажиров рейса, который...

Он громко всхлипнул, достал из затертого кармана льняных штанов большой носовой платок, закрыл им лицо и заплакал.

Артамошин терпеливо ждал. Он вынужден был терпеть, потому что глубоко сочувствовал им всем. Он не имел права вести себя как-то иначе из чисто человеческих соображений. И еще у него был приказ – проявлять лояльность. Ему даже

для этих целей выделили отдельный кабинет, и уже почти год он общался с родственниками.

С каждым днем желающих найти виновных становилось все меньше. Они переставали приходить. Отчаялись. Смирились. Согласились с заключением экспертной комиссии: крушение лайнера произошло из-за технических неполадок.

– Взрыва на борту не было, Иван Семенович, – проговорил Артамошин, когда огромный платок был скомкан и убран в карман мужчины. – Никакого вмешательства извне! Сбой в работе системы. Несчастный случай. Никакого злого умысла.

– Да, да, да... Мне уже говорили. Да, да, да... – он часто закивал. – Но за это тоже кто-то должен понести наказание!

– Абсолютно с вами согласен. Комиссия специалистов разбирается в причинах неполадок, приведших к катастрофе. Как только ими будет сделано окончательное заключение, дело передадут в соответствующие инстанции. Состоится следствие. Виновные будут наказаны.

– Да, да, да...

Пробормотав это, он замолчал. Посидел минуту, не двигаясь, потом вздрогнул и глянул на Артамошина так, будто только что прозрел.

– Я понял! Я понял, к чему вы ведете! – Он замотал указательным пальцем у себя перед носом. – Вы сейчас пытаетесь оградить своего коллегу от подозрений, усыпить мою бдительность, свалить все на безмолвное железо. А он...

Он останется незапятнанным. Понятно: честь мундира. Вы с ним на одном поле и все такое... Но я докажу, что это он! Докажу! Чего бы мне это ни стоило. Ему не удастся уйти от правосудия. Я достану его. Я всю свою жизнь положу на то, чтобы достать его. Знаете почему?

Артамошин послушно спросил:

– Почему?

– Потому что жизни у меня больше нет...

Он ушел, осторожно закрыв за собой дверь. В первые дни он громко ею хлопал и открывал пинком. Ему это прощалось.

Минут пять Артамошин сидел, прикрыв глаза ладонью. Потом он потянулся к внутреннему телефону и позвонил.

– Это последний на сегодня. Заходи, – произнес он в трубку.

Егор вошел через три минуты, сел на тот же самый стул, на котором только что ежился от внутренней боли Иван Семенович Шныров, и посмотрел на Артамошина.

– По-прежнему считает меня виновным?

– Да. Думает, это ты что-то такое сотворил, подбросил в багаж и не полетел.

– У меня не было багажа.

– Знаю. Я-то знаю! – воскликнул капитан, роняя руки на стол. – Докажи ему попробуй! Где-то высмотрел аналогичные случаи. И теперь выносит мне мозг, выедаёт душу. Он болен, понимаешь! По-настоящему болен.

– Понимаю. Как не понять! – Егор вытянул ноги, скрестил на животе пальцы, качнул головой. – Лучше бы я улетел тогда, а не остался в кафе надираться.

– Идиот, – ворчливо отозвался Артамошин. – А о Машке ты подумал, делая такие вот заявления? Что бы с ней стало теперь? Дом малютки, потом детский дом. Сиротство, и никаких надежд на то, что найдутся какие-то родственники. У Ирины никого не было. У тебя никого нет.

– У Ирины осталась троюродная сестра.

– И что? Она не готова была ее удочерять. Сама тебе призналась.

– Призналась. Но помогает же мне! Не знаю, что бы делал без нее. Все на ней.

– Да, да, она помогает, но за деньги, Егор! Ты нанял ее, как квалифицированную няньку. Платишь хорошо. Вот она и помогает. А за просто так вряд ли бы она стала взваливать на себя такую ответственность. Так что Машка твоя все же счастливая. В один день потерять и мать, и отца – это было бы слишком.

– Расскажи Ивану Семеновичу Шнырову. А также Ольге Витальевне Авдеевой и старикам Власовым. Сколько их еще осталось – непримиримых, уверенных в моей виновности?

– Пожалуй, и все, – почесал в макушке капитан. – Всех остальных мне удалось убедить, ознакомив с предварительным заключением комиссии. А эти стоят намертво: ты террорист.

– Твою мать, а! – печально фыркнул Егор. – Я мать своего ребенка в тот день потерял. Это как? Как ими воспринимаются?

– Им уже известно, Егор, что ты не жил с ней.

– Да ладно! – Он резко сел ровно и недоуменно заморгал. – Что значит: известно?

– И не только это. Они много чего о тебе накопили. И об Ирине тоже. Чую, досье на тебя собрано приличное.

– Вот как? – Егор поднялся и заходил по кабинету, специально выделенному Артамошину для общения с пострадавшими. – И что конкретно ты чувствуешь?

Он встал лицом к окну, уставился на клумбу, заливаемую дождем, и с грустью подумал, что Машка снова сегодня пропустит прогулку. И надо было, все же надо было соглашаться на аренду загородного дачного дома! Вика настаивала. Утверждала, что им с девочкой там будет лучше. Всегда на свежем воздухе, даже в дождь, поскольку дом был с большой верандой. Соседи держали живность, и еда была бы экологически чистой, а ребенку, и так искусственно выкормленному, это как раз к стати.

Он обещал подумать и все оттягивал решение. Риелтор звонил Вике уже несколько раз, просил ускориться с решением. Она умоляла пока не сдавать дом другим желающим.

Может, и стоило арендовать его? И не так далеко от города. Он мог бы каждый вечер ездить к ним ночевать. Да, на дорогу уйдет времени в разы больше. Но Машке загородная

жизнь только на пользу.

– Я чувю, эта оппозиция отыскала информацию о том давнем деле с погибшим подростком.

– И что? – Егор почувствовал, как кровь отхлынула от лица, – это воспоминание всегда было болезненным. – Было долгое разбирательство, суд, в конце концов. Меня признали невиновным, восстановили в должности. Что с того, если они это подняли?

– А то, что она теперь не одна. У нее будет целая толпа единомышленников.

– Соучастников, сказал бы я, – жестко перебил его Егор. – Она очень долго вела на меня охоту. Забыл? Я мог бы засадить ее за целый ряд покушений на меня.

– Ты ее простил, – напомнил Артамошин.

– Пять раз! – фыркнул Егор. – Я простил ей пять эпизодов. А мог бы...

– Но не стал же. – Артамошин пожал плечами. – Ты ее простил. А она тебя – нет. Возможно... И теперь они ее найдут. И она – сто процентов – будет с ними в сговоре. Теперь ей станет проще тебе отомстить. Пусть даже их руками. Она ведь знает о тебе все, все, все! Все твои привычки и маршруты. Они ведь не поменялись за пять лет, нет?

Егор промолчал. Как он мог поменять маршрут, если он всегда был одним: дом, работа, дом, работа. Ну, еще по пути в ближайший супермаркет за продуктами. Теперь вот еще аптека прибавилась, потому что появилась Машка. Где он

должен был тогда петлять? Ездить в окружную, простаивая в многокилометровых пробках? В угоду непримиримой мстительнице, свихнувшейся после смерти брата?

– Я не был виноват в том, что она плохо присматривала за мальчишкой. В том, что он отстреливался из автомата по полицейским.

– Ты же знаешь, что он не стрелял, – укорил его Артамошин.

– Автомат был в его руках, – возразил Егор. – И все, кто был рядом со мной, это видели.

– Но он не стрелял. У него даже не было патронов. За него стрелял кто-то еще. Тот, кому удалось скрыться с места преступления. Ты действовал по инструкции, да. И я бы поступил так же. Но...

– Что «но»? – он повернулся к Артамошину.

– Ей было плевать тогда на все наши уставы и правила. Она потеряла единственного родного человека. И не простила. Теперь у меня болит душа за тебя, дружище! Их стало слишком много. Слишком. – Артамошин мрачно глянул. – Тех, кто жаждет твоей крови.

Глава 3

Прыжок, мах ногой, два последовательных удара руками: левой-правой. Уклон влево-вправо, прыжок. Присед, руки в упор в пол, ноги выбросом назад. Резкий подъем, прыжок, мах ногой...

Сердце колотилось в горле, пот заливал глаза, виски сдавило, но она продолжала тренировку.

– Александра! – громко окликнули ее от входа в зал. – К тебе пришли.

Она не ответила, зная, кто это. Больше никому. Это сто процентов группа несогласных с заключением экспертов по авиакатастрофе, случившейся год назад.

Ей было жаль этих несчастных, но она ничем не могла им помочь. Возвращением с того света она не занималась. Чем угодно, но только не этим! Иначе Ванька был бы с ней здесь, рядом. Занимался бы спортом, общественно-полезным трудом, рос нормальным, крепким, без асоциальных привычек, приведших к трагедии.

Так сказал ей психолог, которого она посещала почти принудительно. Чтобы не попасть в тюрьму за свои выходки, подстегнутые мстью.

Это было ЕГО требование.

– Не хочу, чтобы ты ушла следом за своим братом...

Так он ей сказал, и она пошла к психологу. Доктор посте-

пенно, шаг за шагом, вернул ей желание жить. Правильно жить. Как не жил никогда ее беспутный брат. Как не жила она после его гибели.

А потом явились эти. Сначала они приезжали только за тем, чтобы раздобыть сведения о НЕМ.

– Никто, кроме вас, не знает его лучше, – проникновенно глядя ей в глаза, льстила ей молодая женщина с азартно горевшими глазами. – Вы изучали его привычки. Знаете, что он любит, где и когда.

Она вдруг перепугалась и принялась мямлить, что все давно забыла. И смысла нет ни в чем, в мести особенно.

– А мы не собираемся ему мстить, – торопливо опровергла ее догадки женщина. – Мы просто будем наблюдать за ним и ждать.

– Чего? – поинтересовалась Саша.

– Того, когда он оступится...

Она их мягко выпроводила, не сказав ни слова. Они приехали потом еще, и еще, и еще раз. Один из них – с вкрадчивым взглядом и некрасивой, на ее взгляд, фамилией Шныров – оказался весьма обеспеченным человеком. С какой-то блажи он сблизился с руководством их спортивного лагеря и принялся спонсировать его деньгами. И месяца полтора-два назад один из руководителей вызвал ее к себе и очень неприятно с ней разговаривал.

– Александра, ты должна, понимаешь, должна быть с ним вежливой!

– Я ему не грубила, – изумленно округлила она глаза.

– Дай ему то, что он хочет! – повысил голос руководитель.

– В смысле?

– Он ведь что-то от тебя требует. Так?

– Допустим.

– Так дай ему это, слышишь! Этот Шныров уже неплохо вложился и обещал еще и с оборудованием для кухни помочь. А у нас там плиты с прошлого века стоят. Тебе ли не знать! Помоги ему.

– Хорошо...

Она пообещала и забыла. А Шныров явился и потребовал. Пришлось ему что-то рассказать о ЕГО привычках. Вкратце.

– Говорите, любит в выходной день посидеть на озере и посмотреть на воду? – переспросил он.

– Да. Любит. Может просидеть часа полтора, не двигаясь.

– И лицо его при этом?.. – Шныров глянул вопросительно.

– Что – лицо? – не поняла его взгляда Саша.

– Что выражает? Скорбь, радость, равнодушие? Каким бывает в такие минуты его лицо?

Его лицо, когда он сидел у озера, превращалось в маску, сказала бы она. Маску смерти. Мускулы расслаблялись, уголки рта провисали, глаза были полуприкрыты. И – да, он тосковал в такие моменты. Точно тосковал. О причинах можно было только догадываться.

– Равнодушным. Обычным. Расслабленным, – соврала она Шнырову.

– Медитирует, значит, – с плохо скрытой ненавистью про-
бормотал он.

– Возможно. У вас все?

Она старалась быть вежливой и предупредительной. Но мужик ее просто достал, и она соскочила с места, чтобы уйти. Он ринулся за ней следом и проводил до самого домика, где у нее была отдельная комната с ванной и крохотной кухней. Как спортивный инструктор она пользовалась такой привилегией.

Шныров в тот день не отставал ни на шаг. В ее комнату ввалился без приглашения и долго рассказывал о своей семье, погибшей по вине подполковника Степанова.

– Это он! Я уверен! Он виноват! Они бы никогда... Они были бы со мной, если бы не он!

Саша его почти не слушала. Она поставила на плиту кастрюльку, чтобы сварить себе гречневую кашу. В общую столовую она ходила крайне редко. Предпочитала питаться у себя.

– Кофе не предложите? – вдруг шумно задышал ей в затылок Шныров.

Она резко обернулась и поймала его «тот самый взгляд». Она догадалась, о чем он думал, когда торчал за ее спиной, и поспешила его выпроводить.

– Я еще вернусь, – пообещал он, сходя с деревянных ступенек домика. – Мы еще вернемся...

Он не соврал. Они еще приезжали. И по очереди, и все

сразу. Пытались ее разговорить. Склонить на свою сторону.

– Мы с вами в одной лодке, Сашенька, – подслеповато шурился в ее сторону старик Власов. – Мы единомышленники. Он, и никто другой, виновен в гибели наших близких. И вашего брата тоже. Разве вы простили его? Простили?..

ЕГО – да. Себя – нет. Она не имела права оставлять брата так надолго одного. Не имела права совершать бесконечные походы и восхождения в горы, оставляя его на попечение соседей.

Она виновата в его падении. Она виновата в его гибели.

А ОН лишь нажал на спусковой крючок.

– Что вы от меня хотите? – спросила она напрямую в тот день, когда они приехали всем скопом.

– Мы хотим, чтобы вы стали нашим... – Шныров пожевал губами, подыскивая нужные слова, и закончил, не придумав ничего лучше: – Оружием!

– Убийцей? Вы хотите моими руками с ним расправиться? – уточнила она.

И минуту наблюдала, как гости настороженно переглядываются.

– Типа того, – прямо ответила Ольга Витальевна Авдеева. – Никто из нас не владеет боевыми искусствами и оружие в руках держать не может. Да и физическая подготовка не на высоте. А вы...

– А я сейчас возьму и заявлю на вас в полицию, – прервала она ее проникновенную речь. – Как вам такой расклад?

Повисла пауза: отвратительная, опасная. Старики Власовы опустили головы. Библиотекарь Авдеева сердито тарачилась на нее – лицо красное, губы нервно дергаются. И лишь Шныров сохранил спокойствие.

– А никак, – ухмыльнулся он гадко. – Ваше слово против нашего? Нас четверо, вы одна. Кто вам поверит? К тому же, Сашенька, мы явились к вам подготовленными. Знали, голубушка, знали, что голыми руками вас не взять! И вот что мы привезли вам в подарок.

Он швырнул на ее обеденный стол плотный большой конверт из коричневой бумаги.

– Сейчас не надо его распечатывать. Посмотрите потом и примете решение. Сообщите нам...

Они уехали. Она распечатала конверт и в бессильном бешенстве полчаса металась по комнате.

– Суки! Сволочи! Ненавижу!..

Шныров позвонил ей через три дня и спросил:

– Так вы с нами или против нас?

Саша молчала.

– У вас на раздумье не так много времени, Саша. Прошел год с момента катастрофы, а власти не чешутся привлечь виновных к ответу. Суют нам в нос бумаги с размытыми техническими формулировками и только. Хотя все знают, кто истинный виновник. Но... – он помолчал. – Так что скажете? Какое вы примете решение?

Она прервала связь и выключила телефон. Ответа у нее

не было. Больше они не звонили и не приезжали. Саша за-
тихла, ожидая новых пакостей. Изнуряла себя тренировками,
на людях почти не показывалась. Только в рамках своей
тренерской деятельности, и все. Никаких танцев, никаких
посиделок с чаем по вечерам. В какой-то момент она даже
поверила, что все утряслось само собой, они от нее отстали.
Но вдруг сегодня снова.

– Александра! Ты оглохла, что ли? – старший тренер мах-
нул в сторону двери полотенцем, сдернутым с шеи. – К тебе
пришли. Не заставляй людей ждать.

Людей! Значит, снова явились все вместе. Достали!

Она подошла к скамейке, где лежала ее спортивная сумка.
Вытащила бутылку воды, отпила почти половину. Вытерлась
полотенцем. Взяла в руки телефон, настроила диктофон. Су-
нула его в специальный чехол на предплечье, наушники по-
весила на шею, как будто она тренировалась под музыку, а
теперь сделала паузу. И пошла к выходу из зала.

Они не возьмут ее голыми руками. Черта с два! Она не
позволит вовлечь себя в страшное преступление только из-
за того, что у них откуда-то появились фотографии ее невин-
ных шалостей.

– Кто меня спрашивал? – громко окликнула она, выходя
в гулкий широкий коридор. – Эй, где вы?

Из-за колонны перед стендом с достижениями их спор-
тивной группы вышел человек, и она от неожиданности по-
пятилась.

Это был не Шныров. Это был ОН! Человек из ее долгих ночных кошмаров. Тот самый, которого она мечтала истребить, а теперь мечтают устранить несогласные. Причем ее руками!

– Здравствуй, Саша, – тихо произнес ОН. – Поговорим?

Она кивнула.

– Только диктофон выключи. Я не они. Шантажировать тебя не стану.

– Откуда вы знаете?

Она опасно прищурилась. Не слишком ли много человек за ней наблюдают? Что за слежка открыта за ее личным пространством?

– Извини, но мне приходится за тобой наблюдать, – нехотя признался человек из ее кошмаров.

– Почему?

– Потому что я... – он помолчал, явно ища альтернативу слову «виновен», но сказал иначе: – Я несу ответственность за тебя, за твою поломанную жизнь. И немного приглядываю, чтобы ты не наделала ошибок. Такой ответ тебя устраивает?

– Вполне, – буркнула она и выключила диктофон.

– Где можно поговорить?

– Идемте на улицу.

Они вышли из здания и медленно пошли по выщербленному асфальту в сторону открытой спортплощадки. Сейчас она была пуста. Время близилось к обеду. Ребята слонялись

возле столовой.

Они сели на низкую деревянную скамейку. Саша покосилась на него и решила, что за минувший год в нем мало что изменилось. Он так же крепок и подтянут. И...

И красив, как олимпийский бог. Темные жесткие волосы, наверное, кудрявые, но понять сложно, слишком коротко подстрижены. Черные ресницы, удивительной синевы глаза. Высокие скулы и властный рот. И нос соответствует. Форма кистей, ноги, плечи – все совершенно. Когда она начала собирать о нем информацию, следить, часто удивлялась выбору его профессии и тому, что у него почти нет личной жизни. Он не был равнодушен к женщинам, нет. Но и не перебирал их беспорядочно.

А потом в его жизни случилась эта Ирина, которая родила ему ребенка и умерла. Потом его личная жизнь и вовсе затухла.

Ну да, да, она даже сейчас все равно собирала о нем информацию, хотя обещала психологу и самой себе прекратить. Делала это скорее по привычке, чем из каких-то опасных побуждений, типа мести.

Нет, сначала она все забросила. Возобновила уже потом, после авиакатастрофы, о которой так много и часто писали. Его имя полоскали тоже, и она сочла своим долгом возобновить наблюдение. Тихо. Осторожно. Без нажима. Так, чтобы не пересечься со Шныровым и его командой. Но они все равно ее нашли.

– Что они от тебя хотят, Саша? – спросил он, не повернув в ее сторону головы.

– Сначала это была информация. Они хотели все знать о ваших привычках, образе жизни и тому подобное.

– Ты их снабдила сведениями?

– Не всеми, – она кротко улыбнулась. – О местах, где у вас проходят свидания, умолчала. Про озеро сказала, где вы часами можете сидеть не двигаясь. Про любимый ресторан, кафе, кинотеатр.

– Я забыл, когда там был в последний раз, – ухмыльнулся он невесело.

– Три года назад на премьере одной заграничной мурни. Вы были с другом. Кажется, его фамилия Артамошин.

– Есть такой... Это все? Все, что ты им сообщила?

– Да.

– Но им оказалось мало. И они решили методом шантажа склонить тебя... – он повернулся к ней всем корпусом. – К чему, Саша? К чему они тебя принуждают? Что было в том конверте, который Шныров привез тебе?

– Откуда вы знаете?

Она почувствовала, что краснеет, и отвернула лицо.

– Скажем, у меня в подчинении есть люди, которым я поручил за тобой присматривать. И они видели, как Шныров входит к тебе с этим конвертом, а выходит без него. Значит, то, что в нем было, предназначалось тебе. И это что-то гадкое, потому что после их визита ты была на себя не похожа.

Пробежала четыре лишних круга. С ускорением, – уточнил он. – Что было в конверте? Чем он тебя шантажирует?

– Ничего особенного. Невинная шалость, – она покусала губы и уставилась на носы потрепанных кроссовок. – На снимках я целуюсь с одним из воспитанников детского лагеря. Из старшей группы.

– Черт! – едва слышно выругался он.

– Там не было ничего такого. Он сам ко мне пристал. Они с друзьями выпили и поспорили. Это уже потом выяснилось, но...

Она умолкла, зная, что он все поймет как надо. Он был очень умным и соображал стремительнее остальных людей, которых она знала.

– Но по снимкам этого не скажешь. И при желании тебя можно привлечь за соращение несовершеннолетнего. Тогда последует не только увольнение, но и, возможно, судебное разбирательство, если родители вдруг этого затребуют. А родители затребуют, так?

Ну вот, она так и думала. Он все понял как надо.

– Так... Они его сюда отправили на исправление. Помогли лагерю деньгами. А тут такое... Но я клянусь, что он сам! Я бы никогда! И на этих снимках нет того, как я после противного поцелуя бью его под дых.

Ей вдруг стало так стыдно и обидно, что подступили слезы. Пять лет не плакала, а тут готова была зареветь. От обиды на всех и на дрянную ситуацию.

– Я понял. Я услышал тебя, Саша. Не стоит так переживать, – его пальцы поймали ее ладонь, легонько сжали. – И я благодарен тебе за откровенность. Это очень хорошо, что ты не соврала мне. Значит, я могу...

– Что?

Она не убрала руки, не отдернула. Было странно надежно рядом с ним. С тем, кого она должна была по-прежнему ненавидеть.

– Значит, могу тебе доверять. В общем, как мы поступим...

Десять минут инструктажа. Потом он встал и шагнул от деревянной скамейки. Они обменялись взглядами.

– Ты все поняла, Саша?

– Да. Поняла.

– До связи, Саша. Я должен быть в курсе всего, что с тобой происходит. Что они от тебя хотят и что ты им отвечаешь.

– Поняла, – коротко кивнула она.

Саша вдруг подалась вперед и негромко окликнула, когда он уже почти ушел со спортивной площадки.

– Что? – обернулся он.

– О чем вы часами думали, сидя у озера? Почти не моргая... О чем были ваши мысли?

– О нем... О Ваньке... О том, какой могла быть его жизнь, которую я оборвал...

Глава 4

Она встала из-за стола и прошлась по кабинету, который, конечно же, мог быть чуть шире и длиннее. Но что предоставили, то предоставили. И на том спасибо. Зато у нее теперь отдельное рабочее место. За дверью! И ее она могла запереть на ключ, оставить без опасения телефон либо кошелек на столе. А так же пошущукаться без опасения быть подслушанной.

Словно услышав ее мысли, мобильный на столе принял сообщение:

«Можешь говорить?»

«Да», – ответила она тут же.

И телефон зазвонил.

– Доброе утро, Оленька, – прожурчал в ухо приторный голос Ивана Семеновича. – Как тебе новое рабочее место?

– Удивительно! Как это у вас все... – Она запнулась, поняла, что забыла поблагодарить, и поспешно выдохнула: – Спасибо! Огромное спасибо! Не знаю, как и что я могу для вас сделать!

– Ничего не надо, дорогая моя.

Шныров настойчиво всем им «тыкал», невзирая на возраст и статус. Старикам Власовым тоже, хотя Глеб Владимирович был отставным воякой и демобилизовался, кажется, в чине полковника. Они с женой являли прекрасный пример

правильной интеллигентной семьи, без вредных привычек и тайных пороков. И в возрасте были уже.

Шнырова это не останавливало. Он им настойчиво «тыкал». Было заметно, что Власовых иногда коробит его панибратство, но они терпеливо молчали, скорбно поджимая губы.

А Шныров словно и не замечал. Или считал, что за ту помощь, которую он им предоставил, может с пинка дверь в их дом открывать.

Таким он был...

Ольга поискала в памяти нужное слово из литературы и нашла, что «бесцеремонный» подходит как нельзя лучше.

– Как коллеги отнеслись к твоему новому назначению? – снова сладким жалом проник в ухо его голос. – Порадовались? Позавидовали?

– Даже не знаю, что сказать.

Ольга на минуту задумалась, пытаясь вспомнить сегодняшнее утро.

Началось оно как всегда. Все сотрудники, за исключением руководства, вошли в библиотеку, разошлись по своим рабочим местам, успев обменяться дежурными любезностями. А потом неожиданно среди столов в читальном зале появилась заведующая и собрала их всех. Объявила, что в штатном расписании их библиотеки появилась должность с новыми функциями. И назначается на нее она – Ольга Витальевна Авдеева. Послышались жидкие аплодисменты. Поздрав-

ления. И ее – опешившую от неожиданности – повели на новое рабочее место.

– Вот ваш кабинет, Ольга Витальевна, – скупно улыбаясь, проговорила заведующая библиотекой.

И добавила с намеком на ехидство:

– Надеюсь, следующее ваше назначение не сместит меня?

И ушла, плотно прикрыв за собой дверь.

Ольга огляделась.

Небольшой кабинет, совсем небольшой. Но недавно отремонтированный и обставленный по последним требованиям. Напичкан электронными гаджетами. В углу у двери с одной стороны узкий одежный шкаф, с другой – маленькое уютное кресло перед треугольным журнальным столиком, на котором чайник и набор посуды для чаепития. Аккуратный рабочий стол с компьютером и двумя мониторами. С одного велось наблюдение за всей библиотекой. Это она уже потом обнаружила и не поняла – для чего.

– Оля, ты еще здесь? – отвлек ее от мыслей Шныров.

– Да, да, извините. Задумалась, – она мелодично рассмеялась. – Если честно, до сих пор не разобралась в своих должностных обязанностях. Монитор... Тот самый, на который ведется трансляция...

– Это монитор слежения, Оля. Через него ты будешь видеть и знать все, что происходит в вашей библиотеке.

– То есть я должна следить? – севшим от изумления голосом произнесла она.

– Да. Ты должна следить за всем, что происходит. В библиотеке, – добавил он после непродолжительной паузы.

– Но зачем, боже мой?! У нас есть охрана и...

– В должностные обязанности охранников не входит то, что должна будешь делать ты. Они следят за порядком, а ты будешь следить за людьми. За некоторыми людьми. Не за всеми.

– Господи! – с ужасом выдохнула она. – Я... Я ничего не понимаю. Но точно знаю, подполковник Степанов не посещает нашу библиотеку! Он вообще не ходит в библиотеки, насколько нам с вами известно. И мало где бывает. Он не был публичным человеком раньше, а теперь вообще...

Шныров помолчал, а потом со вздохом произнес:

– Степанов тут ни при чем.

– А кто при чем? Кто, Иван Семенович?

– Все потом. Не сегодня. Инструкции получишь позже. – Шныров утробно хохотнул. – А сегодня наслаждайся новым назначением. Угости коллег в связи с этим. Тортик там купи или бутылку шампанского. На твое усмотрение.

Он коротко простился. А Ольге вдруг сделалось невыносимо страшно. Она неожиданно почувствовала себя втянутой в какую-то сложную опасную игру, условия которой были ей озвучены неправильно. С искажением.

Зачем?! Вот зачем она позволила себе эту неожиданную блажь – заделаться мстительницей? Неужели лишь затем, чтобы никто не усомнился в искренности ее скорби по по-

гибшему отчиму, чью квартиру она унаследовала? Но это же глупость несусветная! Все знали, что она искренне любила отца, хотя он и не был ей родным. Он воспитывал ее с пеленок, называл дочкой, а она его – папой. Никто из соседей и новых знакомых в этом городе не знал о том, что они не состоят в кровном родстве.

Так зачем ей надо было лезть на баррикады? Орать и плакать на камеры, возмущаться, принимать участие в бесконечных пресс-конференциях и ток-шоу? Чтобы поверили? Чтобы заработать?

Ох...

Ольга подошла к маленькому креслу в углу и опустилась в него без сил. Дотянулась до чайной пары из белого фарфора, погладила гладкий бок чашки. Попыталась вспомнить, как и с чего все началось.

Да, поняла она минуту спустя, все начиналось с искренней скорби, горя, опустошения и страха. А уже потом переросло в странную гонку. За ними гнались любители сенсаций и рейтингов, предлагали деньги. Они поначалу уклонялись от встреч, торговались, потом соглашались.

Она вдруг одернула себя: нечего думать во множественном числе. Она должна думать только о себе. Мотивы остальных ей были неведомы.

Как только, через месяц приблизительно, интерес к катастрофе поутих и на смену этой жуткой трагедии пришли другие новости, о них забыли. О ней, снова одернула она себя.

И вот тут появился Шныров.

Он собрал их вместе. Всех, кто остался несогласным с заключением экспертной комиссии и долго отсвечивал на телеэкранах. Собрал и торжественно сообщил, что знает имя виновного. Они не просто должны, а обязаны призвать его к ответу. Если не выйдет сделать это по закону, они в обход.

Оля сейчас смутно помнила их первую встречу. Как они все вместе плакали, клялись, о чем-то долго и проникновенно говорили. Встреча была спонтанной, эмоциональной. И почти ничего не запомнилось. Разве могла она предположить, что после все пойдет так далеко?

Она рассеянно заглянула в чайник и обнаружила, что тот полон воды. И шнур от него, исчезающий под журнальным столиком, в розетке. Она щелкнула кнопкой и пошла к своему рабочему столу. В верхнем ящике было все для работы: бумага, канцелярские принадлежности. Во втором какие-то папки, брошюры, инструкции. В третьем, самом нижнем, лежала пачка чая, сахара, банка растворимого кофе, комплект чайных ложечек.

– Как предусмотрительно, – прошептала она.

Оля достала чай и пошла к чайнику, который успел вскипеть и отключиться.

Она заварила один пакетик, методично окуная его в чашку. Дождалась, когда вода окрасится, выбросила пакетик в маленькую мусорную корзинку, обнаружившуюся под столиком. Отпила глоток, задумалась.

Кого хочет выслеживать Шныров ее глазами? Кто может его заинтересовать из постоянных посетителей библиотеки? Понять самостоятельно она не могла. Это нереально. Их библиотека была одной из центральных и самых посещаемых, с богатым книжным фондом. Угадать, кто из сотен посетителей интересуется лично Шнырова, не представлялось возможным. Оставалось ждать инструкций и фамилии, которую он назовет. И только тогда уже можно сделать вывод: имеет ли этот человек отношение к их общему горю или нет? Что, если Шныров, вовлекая их в сообщество, заранее знал, как потом станет их всех использовать? В своих личных целях, не имеющих никакого отношения к катастрофе.

Отказаться! Она должна отказаться! И от участия во всем этом, и от должности вместе с кабинетом и новой зарплатой.

Ольга с грохотом поставила чашку на стол. Подошла к столу и взяла в руки телефон. Шныров ответил мгновенно.

– Я не хочу больше принимать участие во всем этом, – произнесла она скороговоркой.

– Объяснись, Оленька, – опасно ласковым голосом потребовал, а не попросил Шныров.

– Я не хочу никакой мести, новой должности и обязанностей со слезкой за кем-то из ваших... – Она подумала и четко определила: – Врагов.

– Хм-м, – отозвался он со странной радостью. – Другими словами, ты хочешь соскочить? Как мелкая жалкая крыса, сбежать с корабля, который не тонет, а только-только вышел

из гавани. Я правильно тебя понял?

– Приблизительно.

– И тебя совершенно не заботит тот факт, что именно ты уговаривала нашу спортсменку совершить акт возмездия? Ты предлагала ей выбрать метод и оружие, которым та решится осуществить нашу общую месть? Ты, Оля. Только ты...

Первые его слова повергли ее в шок. Новый кабинет сузился до размеров тюремной камеры-одиночки. Оля, тьфу-тьфу, никогда в такой не бывала, но, наверное, она именно такая: с провисшим над головой потолком, стенами, касающимися плеч, с таким спертым воздухом, что дышать им совершенно невозможно.

Она прикрыла глаза и, отодвинув телефон подальше, принялась глубоко дышать. Глубокий вдох, задержка дыхания и протяжный выдох. Так несколько раз. Этому ее учил отчим в детстве, когда ее настигали приступы паники. Всегда помогало. Помогло и сейчас.

– Иван Семенович, вы ведь умный человек, – медленно начала она, тщательно выговаривая каждое слово. – Вы понимаете, да, что вся наша затея не более чем игра. Саша никогда не согласится на то, на что вы ее подбиваете.

– Я?! – возмущенно взвизгнул он. – Не ты, Ольга, а я?!

– Вы, конечно. Лично я давно уже смирилась с потерей. И продолжаю жить дальше. А вы...

Она умолкла на мгновение, ожидая его дальнейших воз-

мущений. Но Шныров подозрительно был тих.

– А вы все никак не угомонитесь. Продолжаете нагнетать. Хотя и...

Дальше следовала опасная тема. Надо быть осторожной.

– Что ты замолчала, продолжай, – потребовал Шныров.

– Хотя не секрет, что ваши отношения с женой и ее сестрой, которые погибли в катастрофе, зашли в тупик. И если бы они остались живы, то... – она снова умолкла и коротко трижды вздохнула. – То вы оказались бы на улице, Иван Семенович.

– Ух ты! – весело перебил он. – Зачет, Оля! Зачет! Я в тебе не ошибся. Ладно, давай не будем ссориться. Считай, что я не давал тебе никаких поручений. Просто работай в новой должности, и все. Хорошо работай.

– И я больше не стану принимать участие в ваших собраниях, – поспешила добавить она. – Учтите это.

– Учел, Оля, учел...

Шныров простился вполне дружелюбно. Еще раз посоветовал угостить коллег в связи с новым назначением и напросился на прогулку, клятвенно заверив, что прежней темы не поднимет ни словом. Встреча будет просто дружеской, не более.

– Я привык к вам ко всем, – пояснил он со вздохом и отключился.

Оля долго стояла с телефоном в руках и все думала.

Не верить ему она не могла. Он ни разу за минувший год

их не обманул. Всегда был честен, предельно, прямолинейно честен. С Сашей да, была другая история. К ней он применял не вполне чистоплотные методы. Но с ними...

Кстати, а что с Власовыми? Как обстоят дела с ними?

Пролистав телефонную книгу, она нашла номер телефона Инги Сергеевны и нажала на вызов.

Глава 5

– Глебушка, скушай этот бутербродик, пожалуйста.

Инга Сергеевна двигала по столу в его сторону маленькое блюдце, на котором лежал ломоть цельнозернового хлеба, намазанный козым сыром и обильно посыпанный зеленью. Он раздраженно покосился на супругу.

Что за человек его жена, а? Знает прекрасно, что у него непереносимость лактозы, он ненавидит сыры вообще, а козий особенно. И непременно каждое утро делает ему бутерброды именно с сыром, причем с козым. К тому же зелень, которую она обильно крошит поверх сыра, обязательно забьется под коронки. Он будет потом мучиться и без конца полоскать рот, пытаясь избавиться от укропа и петрушки.

Она и об этом знала. Но каждое утро повторяла этот ритуал, ставший отвратительным напоминанием того, что жена его ненавидит.

– Инга... – Глеб Владимирович задумчиво смотрел на маленькое блюдце с ломтем хлеба. – Зачем ты это делаешь?

– Что, дорогой?

На него глянули настороженные глаза супруги, с которой он прожил почти сорок лет. Глаза, которые он перестал узнавать. Вернее, выражение этих глаз.

– Зачем ты каждое утро подсовываешь мне эти бутерброды, прекрасно зная, что я их ненавижу! – повысил он голос

на жену.

– Ненавидишь?

Она словно удивилась. Подвигала туда-сюда блюдце с хлебом. Пробормотала:

– Странно... Ты же всегда любил именно этот хлеб. Именно этот сыр. С зеленью.

– Это не я любил все это.

Глеб Владимирович нервно дернул шей, словно ему, как и прежде, на кадык давил узел галстука. Но галстуков он больше не носил. Сейчас сидел за завтраком в тренировочных штанах и простой хлопчатобумажной футболке. Отчего же ощущение удущья не проходило? Может, оттого, что он больше не мог выносить общество своей супруги? Или оттого, что общее горе их не сблизило, а раскидало в разные стороны, как щепки в шторм?

Спасибо Шнырову, немного помог удержаться на плаву, сохранить видимость семьи. Иначе...

– А кто? Кто это любил?

Жена взяла блюдце, поднесла к лицу и принялась рассматривать хлеб с сыром со всех сторон. Взгляд ее показался Глебу Владимировичу безумным.

– Это любил наш сын. И тебе об этом прекрасно известно. Хватит валять дурака!

Он снова повысил на нее голос и теперь не без тайного удовлетворения наблюдал, как расплзается по ее лицу бледность, стекленеет взгляд.

– Да. Игнат эту еду очень любил, – медленно выговорила она. – А еще он любил...

– Мужчин! – выпалил он, отчетливо скрипнув зубами. – Он любил мужчин, дорогая!

– Да, возможно... И ты ему этого не простил.

– А должен был?! – взревел Глеб Владимирович. – Я – боевой офицер! А мой сын...

– Человек. Твой сын человек, – перебила она его звенящим на высокой ноте голосом. – Он был обычным человеком. Со своими слабостями и тайнами. А ты...

– А я – боевой офицер, орденосец, не простил его! Не простил пороков! И что теперь, ты меня за это будешь вечно глотать?!

Он смотрел на жену с ненавистью. Он много раз так смотрел на нее прежде. Когда случайно обнаружил фотографии, на которых его сын обнимается и целуется с парнем. Когда понял, что его сын не такой, как он. Не такой, как многие другие. Он почти обезумел тогда. Избил Игната. Сильно избил. Тот ушел из дома. И тогда он переключил всю силу своей ненависти на Ингу. Даже принялся ее слегка поколачивать. Не до синяков, нет. Но достаточно болезненно. Он это умел.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не катастрофа, в которой Игнат погиб. Страшно признаваться самому себе, но Глеб Владимирович испытал что-то сродни облегчению. Словно давно и безнадежно больной человек

наконец-то обрел покой, покинув этот мир и освободив их всех.

Инга об этом догадывалась и в первые месяцы почти с ним не разговаривала. Если бы не Шныров, они бы точно разъехались.

– Вам нельзя этого делать, дорогие мои, – увещевал он, сидя в их доме за чаем. – О тайне Игната не знает никто. Если вы станете вести себя неразумно, найдутся желающие эту правду достать. Вываляют его имя в грязи, а заодно и ваши...

Он помог им не сойти с ума: ей от горя, ему от отвращения к себе.

– Инга. – Глеб Владимирович потянулся к ее руке. – Давай все оставим как есть. Прошел год. Надо смириться. Все мы смертны. Все уйдем. Просто по-разному.

Она словно его не слышала, в упор глядя на блюдо с бутербродом. Потом осторожно поставила его на стол, разгладила на столе скатерть и глянула на мужа с загадочной улыбкой.

– Глебушка, а ты знаешь, за что я тебя особенно ненавижу? – неожиданно задала она вопрос, который он счел весьма странным.

Ее ненависть никогда не озвучивалась прежде и не обсуждалась. Она ненавидела его всей душой, но тихо, молча, про себя.

Впервые! Она заговорила об этом впервые.

– За что? – буркнул он, поняв, что без его вопроса она не продолжит.

– За то, что ты убил нашего Игната. Ты! Ни за что. Просто из-за дурацких подозрений. И это еще не все...

Инга Сергеевна медленно поднялась из-за стола и тяжелой походкой двинулась к буфету. Она выдвинула средний ящик, порылась, достала что-то и пошла обратно к столу.

Это была фотография. Она осторожно положила ее перед ним на стол. Он дотянулся до очков, которые всегда лежали слева от него. Надел их. Поднес фотографию ближе к глазам. И тут же уронил ее обратно. Произнес со стоном:

– Этого не может быть!

– Может, Глебушка, может. На этой фотографии наш сын со своей девушкой, которая до сих пор его оплакивает. Они собирались пожениться и нарожать нам внуков. Но ты... Ты, не разобравшись, избил его. Выгнал из дома...

– Он сам ушел. – Глеб Владимирович стащил очки с переносицы и впился щепотью пальцев в левый висок. – Я не выгонял его!

– Но страшно обрадовался, когда его не стало. Ты даже не скрывал этого. И за это я тебя особенно ненавижу, Глебушка. Что такого страшного произошло, раз ты так с ним обошелся? Ты думал, он спит с мужчинами? И что с того? Он был жив! А теперь... – Она закачалась на стуле, с каждой минутой все сильнее и сильнее, того и гляди свалится на пол. – А теперь его нет, и ты радуешься. Радуешься, что избавился от

изгоя! За это я тебя тоже ненавижу. И за то, что ты сделал ошибочные выводы. И за то, что... Умри, Глебушка! Сделай милость, умри раньше меня!

– Тебя это сделает счастливее? – Он так глубоко оскорбился, что не нашел в себе сил дать ей пощечину. – Если я умру раньше тебя? Для чего тебе моя смерть?

– Хочу ходить на твою могилку, Глебушка. – Она с улыбкой прикрыла глаза и добавила: – Хочу плевать на нее...

Все время до обеда они тщательно избегали друг друга. Глеб Владимирович ушел в сад и провозился с малиной пару часов. Чем занималась его супруга, он не знал. Ему было неинтересно. Противно даже думать о ней.

Как же скверно...

Как же скверно она с ним поступила! Узнала что-то новое, хорошее об Игнате и не рассказала ему. Предпочла, чтобы он жил с мучительным ощущением в сердце, что он не отец, а мерзавец. Он неправильный, несовременный, закостеневший вояка. А он ведь так и жил весь минувший год – презирая себя.

А она...

Нет, такое спускать было нельзя. Ее следовало наказать. Прямо сейчас.

Глеб Владимирович убрал в сарай, пристроенный к гаражу, садовые инструменты. Вымыл руки под пластиковым старомодным ручкомойником. Вытер их бумажным полотенцем. Обошел территорию их участка по периметру. Как ча-

совой!

Никаких посторонних слушателей или зрителей. Соседи в отъезде. Значит, ори Инга, не ори, ее никто не услышит. А орать она непременно будет, потому что он ей хорошенько наподдаст. Зарвалась женщина! Смерти ему желает!

Он подошел к воротам, проверил – закрыты – и пошел к дому. В просторном холле снял обувь, причесался перед зеркалом. Счел себя решительным и мужественным. Это ему как раз требовалось. И осторожно, стараясь не скрипеть старыми половицами, двинулся в сторону гостиной. Оттуда доносился голос Инги. Та с кем-то разговаривала по телефону.

Глеб Владимирович услышал, как супруга тепло простилась с собеседником или собеседницей. Шагнув вперед, он снова услышал голос жены:

– Алло, Игнаша, это мама. Здравствуй, дорогой, здравствуй...

Глеб Владимирович онемел. От ледяного пота мгновенно взмокла рубашка на спине.

Его жена сошла с ума?! У нее деменция?! Или еще какая-то старческая болезнь, названия которой он не знает. Как он мог проглядеть! Старый дурак! Женщина рядом с ним погибает, страдает, а он акты возмездия планирует.

Что делать? Что делать? Выскочить из-за двери, застать ее врасплох? Заставить ее признать, что она больна? Обратиться к докторам, которых Инга всю жизнь ненавидела? Что делать?

Он вдруг почувствовал страшную слабость в ногах. Стараясь не производить шума, он добрал до маленькой банкетки в углу узкого коридора перед гостиной и осторожно присел на нее.

– Милый, милый мой мальчик, я очень люблю тебя. И все приму, понимаешь?.. Да, да, я с ней говорила. Но она не призналась мне... Да, хорошо. Хорошо, никому не скажу. Никогда! Игнаша, береги себя. Хорошо. Нет, ему я тоже ничего не скажу. Особенно ему. Я не считаю его больше твоим отцом. Хорошо, мой родной... Да, непременно... Ты только не пропадай. Сообщи мне, как будешь готов встретиться.

Через мгновение голос жены стих. Легкие шаги к двери. Она выглянула из гостиной.

– Глебушка... – сладко улыбнулась она ему и игриво погрозила пальцем. – Ты чего здесь? Подслушиваешь?

– Нет. Я только подошел. Сердце прихватило, – соврал он ей, не собираясь признаваться, что слышал ее безумный лепет. – Ты с кем-то говорила по телефону?

– Да, говорила. С Оленькой. Она позвонила мне и наговорила всего... – ожидаемо соврала жена.

– Чего – всего? – он с такой силой стиснул челюсти, что заняло за ушами.

– Что-то про новое назначение, которое ей устроил Иван Семенович. Про новый кабинет и новые задачи, – жена рассеянно посмотрела вокруг себя. – Где-то здесь я оставляла свой зонтик.

– Зонтик?

Он изумленно глянул в узкое окно. Небо голубое. Ни единого облака.

– Зачем тебе зонтик?

– Передавали дождь, – она жалко улыбнулась и развела руками. – Хотела дойти до магазина за продуктами.

– Мне идти?

– Нет, нет, что ты! – заторопилась она, шаря на полках высокого стеллажа в узком коридоре. – Ты устал. Я видела, как ты трудился. Я сама. То, что я собираюсь купить, не тяжелое.

Он хотел съязвить что-нибудь насчет козьего сыра, но сдержался. Инга не в себе. У нее все признаки начинающейся деменции, и ему следует быть с ней предельно вежливым и осторожным в подборе слов. Это может вызвать приступ агрессии. Он об этом много читал, заподозрив это заболевание у себя.

И промолчал.

Инга нашла зонтик и направилась к выходу. Там подхватила с пола сумку-корзинку, бросила в нее зонтик и через минуту вышла из дома. Глеб Владимирович проследил за тем, как она торопливо идет по дорожке до ворот и скрывается за ними. Лишь тогда поспешил в свой кабинет, к компьютеру.

Ему срочно надо затребовать детализацию звонков с ее телефона. Хвала небесам, несколько лет назад он догадался оформить ее сим-карту на себя. С проверкой ее звонков про-

блем не будет. Ему требовалось подтверждение ее безумия для того, чтобы...

Он неожиданно замер и задумался. А зачем ему это? Ну, он сейчас увидит, что никаких звонков она не совершала, а говорила с мертвым сыном по молчащему телефону, и что дальше? Обратится в психлечебницу? С какой целью?

Он почувствовал, что едва дышит и от волнения страшно потеет. Те самые смелые мечты, предаваться которым он прежде не смел, стесняясь, вдруг обрели вполне четкие очертания.

Ольга... Оля, Оленька...

Она понравилась ему с первого взгляда. Едва они познакомились, он понял, что всегда мечтал о такой женщине, как она, а не о той, которая ему досталась.

Когда-то Инга была интеллигентна и умна. Следила за своей внешностью, даже когда они жили в гарнизонах, буквально оторванных от цивилизации. Но стоило им осесть в Москве, как все поменялось. Она словно дошла до определенной черты, добралась до финиша и сдулась. Сразу прибавила в весе. Отпустила волосы, перестав их стричь красиво и стильно и убирая в тугий пучок, старивший ее невероятно. А когда случилось несчастье с Игнатом, Инга и вовсе умерла как женщина.

Ольга... Оля, Оленька...

Как она отнесется к тому, что он пригласит ее как-нибудь поужинать? Завуалирует свидание под деловую встречу, по-

зовет в ресторан и проведет пару незабываемых часов в ее обществе.

Возможно такое? Да, возможно. Но только лишь в том случае, если Инги не будет с ним рядом. Если она окажется в больнице. И он тогда будет достоин двойного сочувствия со стороны прекрасной женщины. Да. Так он и сделает.

Компьютер принял письмо на электронную почту. Глеб Владимирович нацепил на переносицу очки, открыл письмо от мобильного оператора и погрузился в изучение звонков, совершенных его женой за минувшую неделю и сегодняшний день.

Глава 6

– Вы не можете меня уволить!

Саша изо всех сил старалась сдерживаться, ей даже пришлось прикусить нижнюю губу, чтобы та судорожно не дрожала. Но получалось на троечку. Губы дрожали и дергались.

– Вы! Не можете! Меня! Уволить!

Наклонившись над столом начальника лагеря, она сверлила его высокий лоб гневным взглядом, и врезать ему между глаз хотелось все острее. Почему он ничего ей не объясняет? Почему счел, что одной формулировки – несоответствие занимаемой должности – ей будет достаточно?

– Мне нужна эта работа, понимаете?! Нужна!

– Александра... – медленно проговорил он, затягивая гласные. – Сядь на место.

Она вернулась на мягкий стул возле окна. Села, подоткнув ладони под бедра, чтобы они тоже не тряслись и не выдавали ее бешенства.

– И послушай меня...

Начальник лагеря, когда-то работавший в полиции, выбрался из-за стола и заходил туда-сюда вдоль него. Ему было тесно там. Кресло с высокой спинкой мешало, длинный стеллаж с вымпелами. Но он почему-то не выходил на середину кабинета. словно боялся нападения с ее стороны.

Но она же не совсем больная! Не станет бить в его же ка-

бинете. И вообще не станет бить. Даже в темном переулке, темной ночью. Окажется первой подозреваемой и тогда точно срок схлопочет.

– Я слушаю, слушаю, – буркнула она, когда он остановился и требовательно уставился на нее.

– Причина твоего увольнения не в том, что ты не справляешься со своими обязанностями. Лучшего инструктора у нас не было, нет и не будет. И даже не в том дело, что мне показали фотографии, на которых ты якобы занимаешься растлением несовершеннолетнего.

Она мысленно ахнула и сжалась. Ладони вспотели. В горле стало сухо.

Шныров! Шныров – сволочь мерзкая, подсуетился. Он сразу сказал ей, что станет гадить, когда она отказалась ввязываться в их игру. После визита Егора она отказалась и попросила Шнырова больше никогда к ней не приезжать.

Вот вам и «ответочка». Не заставила долго ждать.

Старая сволочь!

– Я знаю, что парни поспорили. В курсе инцидента. – Начальник лагеря потер пятерней затылок. – Я вообще в курсе всего, что происходит на моей территории, если что... И я на всю эту ерунду почти не обратил внимания. Забавляется мажор, и ладно. Но!..

Саша смотрела на мужчину исподлобья.

Какие же все они...

Скользкие, неправильные, подлые.

Знал и не сказал. Не наказал сыночка богатых родителей, который решил потешиться над молодым спортивным инструктором.

– Но дело приобрело нежелательную огласку. Ко мне неожиданно является некий гражданин Шныров и требует тебя уволить, иначе он...

Начальник лагеря паузу затянул, и ей пришлось спросить:

– Иначе он что?

– Все расскажет родителям этого юного засранца. И тебе не избежать уголовного преследования. А этого я никак не могу допустить, Александра. Дело не только в тебе, но еще и в репутации нашего лагеря. – Он снова сел на место, выдвинул верхний ящик стола, достал что-то, положил на стол и осторожно накрыл ладонью. – Родители этого юного засранца поднимут шум. Привлекут средства массовой информации. Очиститься потом не выйдет. Ни у тебя, ни у меня. Ты понимаешь? Понимаешь, что единственный выход – это выполнить требование гражданина Шнырова?

– Выполняйте, – исподлобья глянула она на мужчину. – Я уйду. Что надо подписать?

– Для начала напиши заявление по собственному желанию.

Он положил на край стола чистый лист бумаги. Саша встала, подтащила стул и написала под его диктовку заявление на увольнение.

– Это все?

– Нет. Не все. Заполни вот эту форму, – он протянул ей какой-то бланк. – Это материальная помощь. Не «золотой парашют», конечно, но хоть что-то.

Саша послушно вписала свои данные. Удивилась сумме выходного пособия. Оно было вполне приличным. Можно полгода продержаться, не работая. Даже с учетом платежей за квартиру, оставшуюся от родителей и опустевшую после гибели Ваньки. Она там не могла жить без него. Теперь придется.

– А это визитка одного очень неплохого человека.

Начальник лагеря приподнял ладонь, под которой что-то прятал. Оказалось, картонный прямоугольник белого цвета с двумя лаконичными строками, выполненными черным шрифтом. В верхней строке была всего одна фамилия: Миронов. Ниже – номер телефона.

– Если будет совсем худо, позвони.

Саша осторожно приняла визитку.

– Кто он? Чем занимается?

– Это мой бывший сослуживец. Мы с ним почти не общаемся. Случайно встретился с ним как-то год назад. При интересных обстоятельствах. Разговорились...

Начальник лагеря умолк, пристально рассматривая Сашу. Не так, как до этого, а оценивающе. Разумеется, она ни в чем таком его не заподозрила. Этот Миронов вряд ли был сутенером. Заполучить ее на роль проститутки мог только слепой. В ней не было ничего, за что клиент захотел бы заплатить.

– Так кто он? – переспросила она.

– Помощник, Саша...

Ей дали пару дней, чтобы сдать дела. Она управилась за полдня. Не велика бухгалтерия отчитаться за спортивный инвентарь и имущество комнаты, которую она занимала. Саша сложила вещи в два мешка, в один из них закинула визитку с фамилией Миронов. Получила наличными деньги в кассе и уже к вечеру выехала из лагеря на своем старом автомобиле.

Тоска глодала ее всю дорогу. Даже слезы подступали, хотя она поклялась, что никогда больше не заплачет.

Сука Шныров! Он виноват! Он должен ответить!

Она привыкла к этому месту. Ей здесь нравилось. Бесконечные тренировки, походы, соревнования. Все это забирало ее свободное время, не оставляя ни минуты на хандру или болезненные воспоминания. Вокруг нее подростки, и в каждом из парней она находила черты погибшего брата. Этот улыбается, как он. У этого походка похожа. Этот ложкой по дну тарелки скребет, как Ванька. У этого какая-то тайная жизнь наметилась, надо увеличить ему нагрузки, чтобы сил на дурацкие дела не было, как у Ваньки.

Среди ребят она не ощущала себя сиротой! А что теперь? Она снова одна? Вот приедет сейчас в город. Зайдет в пустую квартиру. Стащит чехлы с мебели. А дальше?

Саша вспомнила, что холодильник и шкафы в ее кухне пустые. И, заехав в город, сразу свернула к магазину. Проблуждала между прилавков почти час. Набрала гору всего. В

каждой руке по три пакета. Во дворе еле смогла найти место, чтобы припарковать машину. Вытащила пакеты из багажника. Осмотрелась.

Да, давно она здесь не была. Все так сильно изменилось. Фасад дома отремонтировали, покрасили. Подъездные двери поменяли на железные с кодовыми замками.

Кстати! А как она войдет?

Саша встала у своей двери, достала телефон и позвонила соседке по лестничной площадке.

– Тетя Марина, здравствуйте, это Саша. В подъезд как войти?

– Сашенька, это ты! Вернулась! – ахнула соседка. – Я сейчас спущусь, открою. А твой ключ от замка у меня. Мне его выдали. Я заплатила. Мне и выдали. Девочка... Вернулась...

Тетя Марина, чья дверь была напротив, знала ее родителей. Дружила с мамой. Как могла, опекала Ваньку. Когда случилась беда, была рядом с Сашей. И поняла, что Саша решила укрыться ото всех в круглогодичном оздоровительном лагере.

– Как считаешь нужным, как и поступиай, – гладила она Сашу по голове. – Как тебе легче будет, так и делай...

Она была хорошей и доброй. Саша неожиданно почувствовала радость оттого, что тетя Марина жива-здорова и встретит ее.

Они обнялись, и соседка растрогалась до слез.

– Худая-то какая, господи! Одни кости да кожа! – шмыгая

носом, касалась она ее рук и плеч. – Не ела, что ли, совсем, Сашенька? Ну, идем в дом, идем. Я ведь как почувяла, что ты вернешься, два дня назад уборку затеяла у вас. Даже окна все перемыла.

– Спасибо, – сдавленно поблагодарила Саша, поднимаясь на свой этаж пешком.

Лифта в доме не было.

Они вошли в квартиру. Было чисто. Пахло бытовой химией и освежителем воздуха. Мебель расчехлена, без намека на пыль. Окна сияют, шторы выстираны и выглажены. Саша отнесла пакеты в кухню. Тетя Марина следовала по пятам.

– Может, идем ко мне. Сашенька? Я только что суп сварила. Грибной. Вкусный.

– Нет. Спасибо. Я не голодна. Да и накупила много всего из продуктов. Не пропадать же, – она сдержанно улыбнулась. – Спасибо вам за все.

– Ой, ключ-то от подъезда! Я сейчас.

Она торопливо вышла из квартиры. Саша опустилась на стул у кухонного стола, старый, скрипучий. Ванька любил на нем раскачиваться. Она ругалась, а он смеялся и продолжал. Из оранжевой кружки, что стояла перевернутой в сушке над раковиной, Ванька всегда пил чай. И тарелка с выщербленным блестящим краем была его любимой.

Тяжело...

Ей тут будет невыносимо тяжело от воспоминаний. Она бежала от них. А Шныров заставил ее снова к ним вернуться.

Сволочь! Она ему не простит.

– Вот он, Сашенька, – тетя Марина положила ключ от подъезда на край стола, постояла молча, а потом осторожно поинтересовалась: – Ты насовсем или в отпуск?

– Насовсем, – рассеянно отозвалась Саша.

– Что-то случилось? – неожиданно спросила она с тревогой в голосе. – Ты же не собиралась увольняться. И вдруг...

– Почему вы решили, будто что-то случилось?

Саша подняла на нее глаза и тут же снова опустила. Тетя Марина смотрела на нее строго.

– Я читаю новости, Сашка. Телевизор смотрю. Не тупая и не безграмотная. – Соседка двинула ногой табуретку и присела напротив. – Шумихи вокруг него было много. После того как он не сел в самолет. Ты... Ты, надеюсь, оставила затею мстить ему?

– Да. Давно, – она выдержала ее подозрительный прищур. – Честно. Мы с ним не то чтобы друзья, но общаемся нормально.

– Честно? – Тетя Марина дождалась ее утвердительного кивка и с облегчением выдохнула: – Ну, и слава богу... А то тут приезжал ко мне один, такой противный. Все намекал, что ты не оставила мысли мстить этому... За тобой глаз да глаз нужен, натворить можешь чего-нибудь. Я даже растерялась поначалу.

– А потом?

– А потом выгнала, – призналась со смешком тетя Мари-

на.

– Такой в годах, рыхлый, с рябой рожей? – тут же подумала Саша на Шнырова.

– Не-ет. Молодой. Высокий, голубоглазый.

– Странно... – Саша наморщила лоб, пытаясь вспомнить среди своих знакомых голубоглазого и высокого. – Не знаю такого.

– Вот и я не знаю. Поэтому и выгнала. Ну, ты отдыхай. Обживайся. Отвыкла небось... Если что, я напротив.

Тетя Марина пошла к выходу. Саша двинулась ее провожать. Та вышла на лестничную клетку, одернула домашний халат в крупный горох и строго погрозила пальцем.

– Смотри у меня! Я за тобой наблюдать стану. Спуску не дам, – предупредила она, рассматривая Сашу, словно видела впервые. – Вижу ведь... Не с добром ты вернулась, Сашка. Что-то задумала, точно. Смотри у меня!

Весь вечер она прослониалась по квартире без дела. Раскладывала вещи в шкаф в своей спальне. Разбирала продукты. Что-то даже попыталась приготовить, но пока возилась с подключением к интернету, еда подгорела, и она выбросила все в мусорку. Хватит с нее молока с хлебом.

Саша налила себе полную ванну горячей воды, добавила соли с ромашкой и залегла на полчаса.

Какого наказания достоин Шныров? Как она может ему отомстить за то, что он так подгадил ей, добившись увольнения? Сломать ему нос или руку? Или подстроить автока-

тастрофу?

Не-ет, ни того, ни другого, ни третьего она делать не станет. Все варианты противозаконны и грозят тюрьмой. Она просто станет наблюдать за ним и его компанией.

Саша сосредоточилась на каплях, падающих на ее колено из подтекающего смесителя.

Кап-кап... Он затеял нечто страшное. Он жаждет смерти Егора Степанова...

Кап-кап... Он не может простить ему того, что Егор единственный остался жив, пропустив злополучный рейс...

Кап-кап... Если Шныров настолько одержим, то он непременно добьется своего. Не ее, так чьими-то еще руками. Он найдет киллера.

Кап-кап... Может ли она стоять в стороне, когда Степанову грозит опасность?

Нет! Саша резко поднялась из ванны, расплескав воду на пол, и тут же бросила в лужу полотенце. Не хватало в первый день возвращения разборок с соседями из-за протечек!

Она снова улеглась, пристроив затылок на маленькой надувной подушке, и прикрыла глаза.

Она не может, не имеет права допустить, чтобы Шныров совершил очередное зло. Степанов вытащил ее. Он не позволил ей опуститься на дно, откуда она самостоятельно ни за что не выбралась бы. Она бы точно погибла.

Значит, что?

Кап-кап... Она станет делать то, что у нее лучше всего

получается. Следить за Шныровым и его компанией.

Глава 7

Люди, за которыми она должна была наблюдать, находясь на своем новом рабочем месте, только что вошли в читальный зал. Это была молодая пара: парень и девушка. Но они точно не были парой. Вошли врозь: сначала она, потом он. Уселись в противоположных углах читального зала. Она тут же принялась кому-то писать с телефона. Он открыл ноутбук. Потом она встала и подошла к сотруднице библиотеки. Сегодня работала Маша Зиновьева.

Надо бы у нее осторожно выведать, о чем ее просила девушка, за которой Ольге было велено наблюдать. Нет, ясно, что просила книгу. Маша ее принесла спустя семь минут. Оля засекала. С книгой Маша шла со стороны стеллажей с документальной литературой.

Что могло там заинтересовать такую эффектную молодую особу? Может, информация по пластике или уходу за лицом и телом? Их заведующая не приветствовала подобную литературу, но она все же имелась в читальном зале.

Оле неожиданно стало интересно, что с таким усердием изучает девушка, занавесившись ото всех длинными волосами. Даже лица не видно, так низко она склонилась над чтитвом.

Надо будет непременно спросить у Маши. Ольга даже записала на календаре.

Десять минут ничего не происходило. Девушка читала. Молодой человек пялился в ноутбук. Но вот он его закрыл, подошел к Маше и о чем-то оживленно с ней заговорил. Та, внимательно выслушав, обескураженно развела руками и осторожно указала подбородком в ту сторону, где читала девушка.

Молодой человек, выслушав, покивал и медленным шагом двинулся к тому столу, на который ему оказала Маша Зиновьева. Он поздоровался и о чем-то оживленно заговорил. Девушка откинула с лица волосы, настороженно посмотрела минуту, внимательно его слушая, а потом отрицательно мотнула головой и снова погрузилась в чтение.

Парень глянул на часы, с сожалением качнул головой и вышел из читального зала. Девушка пробыла там еще двадцать три минуты. Сдала то, что читала, Маше Зиновьевой, и ушла.

Все. На сегодня Оля работу закончила. Больше они не вернутся. Она знала это абсолютно точно. Поскольку у нее уже имелась кое-какая статистика. Она два дня наблюдала за ними. И находила, что в их поведении нет ничего странного или предосудительного.

Ну, приходят они почти одновременно в читальный зал, что с того? Сидят врозь. Не общались до сегодняшнего дня ни разу. Уходили всегда с временным интервалом минут в пять-десять.

В чем интерес к ним Шнырова, можно было только дога-

дываться.

Ольга прошла к журнальному столику, включила чайник и, опустившись в низкое кресло, задумалась.

Вообще вся эта затея с ее новым назначением и странными обязанностями все больше казалась ей каким-то розыгрышем. Заданий ей заведующая почти не давала, мотивируя тем, что должность Ольги не в ее подчинении и ей надлежит предоставлять отчетность куда-то наверх. Оля отчетность готовила. Смешную, никчемную, все больше скопированную с отчетов девочек из библиотеки. Потом отправляла ее на какой-то электронный адрес. В ответ получала благодарность и похвалы. Ну, и два раза в месяц оплату.

На этом все.

Если не считать заданий Шнырова. Но это ведь так: фактультативно. И, если честно, совершенно не обременительно. Если бы не он, ей бы выть пришлось от безделья и скуки в новом кабинете.

Чайник вскипел. Оля разлила кипяток по двум чашкам, распаковала коробку пастилы и набрала Машу Зиновьеву. Та почти не сопротивлялась, согласилась зайти на чай сразу же.

– Сейчас, оставлю кого-нибудь за себя. И приду.

Она пришла уже через три с половиной минуты. С некоторых пор Оля очень четко фиксировала время.

– Ой, моя любимая пастила. С орешками! – восхищенно цокала она языком и украдкой рассматривала Олин кабинет. – И чай какой ароматный...

Они пили чай. Болтали ни о чем. Маша делилась семейными тайнами о выходках свекрови и неправильной реакции мужа. Потом переключилась на местные сплетни, оказавшиеся еще более скучными и серыми.

– Тоска, одним словом, – выдохнула она, протягивая руку за очередной пастилкой. – А у тебя тут что?

– Ой, работы полно. Какие-то отчеты, отчеты... Сегодня запросили информацию по читальному залу. Необходимо, видите ли, им знать, сколько человек в какое время его посещает и что именно читают. Спрашивается, зачем?! – Оля ловко изобразила раздраженное недоумение. – Что это даст?

– Не скажи...

Маша вдруг задумалась и просидела не двигаясь полторы минуты. Оля снова невольно засекала.

– Может, сокращение готовят? Решили, что сотрудники в читальном зале лишние?

– Не знаю, Маша, – честно глянула на нее Ольга. – Но, может, и сократят кого-то. Народ-то ходит?

– Еще бы! Еще как ходит народ! – заторопилась Маша, захлебываясь чаем и кашляя. Крошки от пастилки полетели в разные стороны. – Есть даже постоянные посетители. Ходят, как по расписанию!

– Старики? – уточнила Оля, наблюдая, как покрасневшая Маша отряхивает юбку.

– Если бы! Сегодня, например, парень и девушка едва не поспорили из-за одной книги. Она взяла первой, и ему вдруг

понадобилась. А второй такой нет. Одна-то досталась, помню, в нагрузку. Никому была не нужна. Несколько лет простояла на полке не востребованной никем. А тут вдруг...

– Что за книга?

– Ой, да ерунда полная. Список предпринимателей десятилетней давности. И даже не нашего города, а близлежащих районов. Из области. Зачем им?

– Может, реферат какой пишут, студенты? – предположила Ольга.

Ответ Маши ее озадачил. Книга никакой ценности не представляла. Подобную информацию можно было найти в интернете.

– А вот и нет. Молодой человек сказал, что не нашел в интернете упоминания об одном из районов, а ему необходимы данные именно оттуда.

– Понятно...

Ольга мысленно послала сообщение Шнырову.

– Да и не похожи они на студентов. Ей тридцать пять. Ему тридцать два.

– А ты на них карточки завела?

– А как же, Оля! – возмутилась Маша, подливая себе чая. – Ты как с луны свалилась! У нас библиотечный фонд, вообще-то, а не привокзальная пивнушка!

– И они не студенты?

– Вряд ли. В таком возрасте... – она с сомнением покачала головой. И тут же с завистью глянула на монитор ее ком-

пьютера. – Тебе хорошо тут. Сидишь, глаза никому не мозолишь. Слушай... А вдруг это проверка? Инспекторы какие-нибудь? Проверяли нашу работу?

– Версия, скажу я тебе, вполне имеет право на существование.

Ольга встала и начала убирать посуду со столика. Недоденную пастилу сунула обратно в коробку. Маша поняла, что ей пора. Вскочила с места, засуетилась. Принялась нести всякий вздор про своих домашних питомцев: кошку с попугаем, которые вдруг полюбили сладости и едва из рук не отбирают.

– Слушай, Маша, – остановила ее Оля, когда та уже за ручку двери взялась. – Ты мне скинь сообщением их фамилии. Попробую узнать: проверка это или нет?

– А ты сможешь? – ахнула та и за сердце схватилась. – Ой, Оля, это было бы замечательно! А то я ночь теперь спать не стану.

– Попробую. У меня теперь возможностей побольше, – многозначительно поиграла она бровями. – Другая должность. Другие возможности.

– Все. Я пошла. Жди эсэмэс.

Маша ушла. Через четыре минуты и тридцать секунд Оля уставилась в монитор и увидела, как Зиновьева нависла над своим рабочим столом, листая журнал регистрации и сверяясь с записями в компьютере. Еще через двадцать секунд пришло сообщение.

Она – Сушилина Виктория Викторовна. Он – Иванов Сергей Иванович. И адреса.

Оля отправила «спасибо» и задумалась. Если честно, в фамилию Иванов она не очень верила. Убей, у парня была другая! Три к ста, что он на самом деле Иванов.

Она разнервничалась и принялась просматривать записи с других камер, которые благодаря стараниям Шнырова тоже были выведены на ее компьютер. Она без проблем нашла эту сладкую парочку. Странно, почему она продолжала думать о них как о паре? Эти двое ни разу нигде не пересеклись. Ни в фойе. Ни на выходе. Ни на улице. Но у нее сложилось стойкое ощущение, что они знают друг друга. А в библиотеке лишь шифруются.

Вопрос – зачем – оставался без ответа. Пока без ответа. Но она дала себе установку: выяснить. Не для Шнырова, нет. Ему она доложит лишь о том, что за книгу эти двое рвали друг у друга из рук. Обо всем остальном – о том, что она заподозрила их в сокрытии своих отношений, умолчит.

Оля взглянула на часы. Еще было слишком рано, чтобы уйти с работы. Но пообедать она могла. И не в своем кабинете, как предпочитала делать все последнее время, а, к примеру, в соседнем ресторане.

Нет, конечно же, не собиралась она тратить деньги на ресторан. Но сказать-то об этом можно было. Иду, мол, обедать. А сама...

А сама она собиралась проехать по адресу парня, назвав-

шегося Ивановым. Тем более что он был Ольге знаком. Это всего в трех кварталах от их библиотеки.

– Я по делам, срочно вызвали. Что-то с отчетом, – скороговоркой объяснила она.

– Ошибки? – Губы заведующей сложились в довольную ухмылку.

– Нет. Вопросы по читальному залу. Я быстро. Потом пообедаю. Или сначала пообедаю, – глянула Оля на часики на левом запястье.

– Как будет угодно. Ты у нас теперь птица вольная, нам неподотчетная. Могла бы и не предупреждать, – отвернулась от нее заведующая, принявшись листать какой-то формуляр. – Странно то, что и там, наверху, не особенно о твоих должностных обязанностях располагают информацией. Странно все как-то, Ольга Витальевна. Не находишь?

– Я птица не вольная, а такая же, как все, – она стиснула кулачки в карманах летнего платья, мысленно посылая Шнырова ко всем чертям. – Просто с несколько другими полномочиями.

– Ну-ну... Только как далеко заведут тебя твои полномочия, Авдеева? Смотри... – заведующая неожиданно повернулась к ней и строго глянула поверх очков в тонкой оправе. – Будь осторожна, Оля.

О чем она вообще? Что имеет в виду? Может, там, наверху, в самом деле недоумевают по поводу ее нового кабинета и должности? Как Шнырову удалось все повернуть? На ко-

го он вышел? Зачем – понятно. Ему для чего-то понадобилось наблюдать за странной парой, которая будто и не пара вовсе. Но зачем все именно так обставлять? Кабинет, монитор, отчеты ему каждый день.

Сумасшествие какое-то!

И, получается, все это коснулось только ее. Инга Сергеевна Власова ни о чем таком не сообщила, когда Ольга позволила и принялась задавать осторожные вопросы про Шнырова.

– Давно не виделись. Да, Оля, как та девушка отказалась нам помогать, так Иван Семенович куда-то и пропал. Лишь изредка звонит.

Получалось, что в их личную жизнь он не лез. Со спортсменкой общение прекратил. И его вниманием теперь пользуется лишь она – Ольга.

Может, он и правда в нее влюбился? Это сразу предположила Власова. Окружает странной заботой с целью контролировать все передвижения. И саму ее жизнь.

Она снова разозлилась. Дверью машины хлопнула излишне громко и пальцем в кнопку зажигания ткнула с непозволительной силой.

Вот если она сейчас убедится, что Иванов Сергей в самом деле Иванов Сергей, нет никакого подлога и вранья, и если он на самом деле проживает по адресу, который указал в библиотеке, то она порвет все отношения со Шныровым. Уволится и исчезнет с его радаров.

Она больше не может и не хочет продолжать игру по его правилам. Права та бедная девушка, пять лет назад потерявшая своего брата. Нельзя жить с чувством ненависти бесконечно. Это иссушает душу, мозг, разрушает само представление о жизни. И...

Ольга уже смирилась с потерей отчима и мстить оставшемуся в живых Егору Степанову не желает. Потому что не считает его виноватым в том, что он выжил.

Заезжая во двор, где предположительно проживал Иванов Сергей Иванович, она почувствовала, что хорошее настроение возвращается. И даже поразмышляла пару минут, прежде чем выйти из машины.

А так ли уж важно для нее установить: тот или не тот Иванов посещает их читальный зал? Нужно ли ей его разоблачение? Представляет ли для нее важность интерес Шнырова к молодым людям?

Потом решила, что это будет последнее, что она для него и себя сделает, и полезла из машины.

Подъезд нашелся быстро. Нумерация квартир была вывешена на двери. И войти удалось без заминок: дверь без конца открывалась, впуская и выпуская жильцов. Оля поднялась в лифте на восьмой этаж. Там предположительно жил Иванов. Позвонила в нужную дверь. Минуту ничего не происходило, а потом дверь распахнулась.

– Здравствуйте, – коротко поздоровался молодой мужчина со сковородкой в руках.

Он ел прямо из нее жареную картошку, поняла Оля, потому что вилка тоже присутствовала. А еще на нем были спецовочные штаны и футболка в пятнах пота. «На обеденном перерыве», – догадалась она.

– Здравствуйте, извините меня, – приложила она к груди ладошку с идеальным маникюром. – Я разыскиваю Иванова Сергея Ивановича.

– Я – Иванов Сергей Иванович.

Он улыбнулся и куда-то дел сковороду, может, поставил на тумбочку рядом с дверью. Вилка тоже исчезла. Парень вытер руки о футболку и протянул ей правую ладонь со словами:

– И мне очень приятно, что вы меня разыскиваете.

Она осторожно пожала протянутую руку. Та оказалась сухой и горячей. От сковородки, поняла Оля.

– Дело в том, что вы, – это не тот человек, который мне нужен, – засмушалась она.

– Да? – он будто расстроился. – Жаль. Такая красивая девушка в кои-то веки позвонила в мою дверь. А какой же Иванов вам нужен? Других по этому адресу нет.

Это она тоже поняла.

– Тут какая ситуация... Я работаю в библиотеке. Тут неподалеку. И некто с вашими данными зарегистрировался как посетитель. Но выглядит совершенно иначе.

– Нахулиганил, что ли? Или обокрал кого? – насторожился парень.

– Книжки взял и не возвращает, – соврала Оля. – И вот я пришла, а вы не вы. То есть я хотела сказать... Извините.

Она повернулась и пошла к лифту. Мысли путались.

Шныров знал, что интересующий его парень посещает библиотеку под чужим паспортом? А может, и живет по нему. Почему он им так заинтересовался? Что с ним не так? Он вор или...

– Девушка, – окликнул ее настоящий Иванов. – Тут какое дело...

– Да? – она обернулась.

Парень вышел из квартиры и с удовольствием осматривал ее с ног до головы.

– Паспорт я потерял полгода назад, но я тут же заявил об этом. Получил новый. Видимо, кто-то по старому живет и книжки из библиотеки ворует. Вот блин...

Вот блин! Она же хотела выйти из игры, уволиться и забыть обо всем. Начать жить заново, не оглядываясь назад. А что получилось?

Оля была озадачена очередной загадкой Шнырова. И – да, ей хотелось узнать правду о его новых затеях. Что это за парень с девушкой? Почему у него чужой паспорт?

Кстати...

А как дела обстоят с девушкой? Она та, за кого себя выдает, или нет?

Глава 8

Егор Степанов смотрел сквозь большое пыльное окно в сад. Деревья, высаженные по периметру вдоль забора, были старыми, но за ними ухаживали. И яблони с грушами плодоносили в этом году так, что листьев было не видно.

– Будет вам и урожай, – сладко улыбалась девушка-риелтор. – Это оговорено договором. Если вы арендуете дом по осень включительно, то весь урожай ваш.

Что можно сделать с таким количеством яблок и груш, Степанов не имел ни малейшего представления.

– Да ты что, Егор! – округляла глаза Вика. – Это и варенье, и повидло, и сок, и пюре! Машке самое то!

Машка только-только начала ходить, хотелось ему напомнить. И зубов у нее всего ничего. Если пюре и сок еще куда ни шло, то варенье с повидлом ей абсолютно ни к чему. Лишний сахар.

С некоторых пор он стал многое знать о детском питании. Изучил, что полезно, а что совсем не нужно детскому организму, и даже пытался контролировать Вику. Но она была молодцом. Следила за всем лучше любых молодых мамочек. Машка подрастала быстро, безболезненно. Почти не капризничала, была на редкость послушной. И еще она была его точной копией. Он даже тест на отцовство делать не собирался, так она была на него похожа. С рождения! Но

ему пришлось. Адвокат, который занимался оформлением бумаг, настоял.

– Вдруг совершенно неожиданно объявятся какие-нибудь левые родственники? Лет, скажем, через пять, а? Ты прикипишь к дочке, а они явятся и – та-да-да-там, отдайте! Родная кровь и все такое. Придется доказывать, метаться, травмировать малышку. Лучше сейчас, когда она ни о чем таком не подозревает.

Егор сделал тест. Он подтвердил его стопроцентное родство с Машкой.

Ирине он верил. Не стала бы она врать перед смертью.

Странное дело, когда Ирина была жива, он не пытался и не хотел определять природу своих чувств к ней. Ну курортный роман, ну симпатичная, ну звонит. И что? У него были женщины до нее и будут после. Даже если с Ириной приятно было говорить. Даже если она не напрягала его, не навязывалась, чего он в принципе не терпел в женщинах. Все равно. Он не воспринимал ее как серьезное увлечение.

Все поменялось, когда ее не стало. Когда он увидел крохотного ребенка, доставшегося ему в наследство. Тогда и только тогда Егор понял, какое огромное место занимала Ирина в его сердце. Он принялся всех сравнивать с ней и не находил достойных. А она должна была существовать где-то! Непременно должна жить и ждать встречи с ним. Стать потом хорошей матерью его ребенку. Его Машке.

– Женись на Вике, – подсказал однажды капитан Артамо-

шин. – Она Машку любит. Не чужая ей. И на тебя смотрит так...

– Я не люблю ее, – прервал друга Егор. – И не полюблю никогда. Она не Ирина...

И про себя добавил, что не появилось пока в его жизни той женщины, которой бы он захотел читать стихи, как Ирине. Машке читал – детские, смешные. Она внимательно слушала его, словно понимала, иногда улыбалась.

– Почему окно такое пыльное? – спросил он у Вики, когда она вошла в кухню-столовую, уложив Машку на послеобеденный сон.

– Ой, простите, барин, не успели-с! – сразу взвилась она. – И деревья не полили-с. И пыль с них не смыли-с.

– Не ерничай. Я просто спросил. И оно запылилось, к слову, не вчера. С таким мы дом арендовали. Риелтор обещала в уборке помощь. Где она?

– Риелтор? – рассеянно уточнила Вика, перебирая в шкафу какую-то посуду.

– Помощь. Я же понимаю, что тебе одной сложно и с ребенком и по дому. А тут и сад еще.

– Егор...

Вика стремительно прошла к обеденному столу. С грохотом отодвинула стул. Села. Уставилась на него злыми глазами. Черными, как ночь.

– Ты приезжаешь каждый вечер поздно. Ты не можешь видеть и знать, что здесь и как происходит. Вот первый раз

в выходной сюда выбрался.

– Я хочу знать, – он медленно сел напротив. Ее агрессии он не понимал. Счел, что это усталость.

– Есть, есть у меня помощница. Женщина, соседка приходит убирать дом, стирать и гладить. Про окна пока с ней не говорили. И сад она точно не станет поливать.

– На улице шланг. И веерный полив по всему участку, Вика. Достаточно открыть кран, и все вокруг умоется. Машке не следует играть в пыльной траве среди пыльных цветов и кустарников.

– Ах, простите! Забыла, что она у нас королева! Все дети могут так играть, а она нет, – звонко шлепнула по столу ладонями Вика и хмыкнула. – Егор, опустишь с небес на землю, а! Ты простой мент, а не олигарх какой-нибудь, чтобы такие требования мне предъявлять.

Она помолчала и не очень громко добавила:

– За такие деньги.

Он тут же почувствовал, как каждый мускул напрягается. Подобные разговоры Вика прежде никогда не заводила. Была мила и вежлива. Что случилось? Может, Артамошин неосторожно брякнул, чтобы она никаких иллюзий насчет Егора не питала?

– Я мало тебе плачу? – спросил он, хмуро рассматривая сидевшую перед ним девушку. – Ты поначалу и этих денег не желала брать. Утверждала, что Машка тебе не чужая.

– Ну да, ну да. И ем за твой счет. И на твоей жилплощади

существую, – проворчала она.

– Вика! – одернул он.

– Прости... – Ее губы задрожали. – Прости, я устала просто... А ты тут со своими претензиями. Окно, пыль. Прости, Егор... И еще эта кукла...

– Какая кукла? – нахмурился он, рассматривая Вику так, словно видел впервые.

– Машкина кукла. – Она покусала губы, заправила за ухо прядь волос, погладила стол, посмотрела на пальцы, пробормотала: – Чисто.

– Что с куклой?

– Мы оставили случайно ее куклу позавчера вечером в саду. Забыли. Так бывает. Засуетились. Тучи находили. Я боялась, что под дождь попадем. Машку в охапку и бегом в дом. Про куклу вспомнила, когда уже спать начали укладываться. Машка все ляля да ляля. Я спохватилась. Но в доме не нашла. Решила, что в саду оставила. Не стала выходить. Темно. Да и малышка уснула быстро. А утром...

Вика глянула на него исподлобья со странным выражением. Не страх и не изумление, а что-то нечитаемое.

– А утром я нашла куклу под яблоней у забора.

– И что?

Егор встал и пошел к плите сварить себе кофе. Вика утонула в нем. Она всегда его утомляла. Десятиминутной беседы достаточно.

– У куклы была оторвала голова, Егор! – выкрикнула она

ему в спину.

И он встал как вкопанный. Замер. Как в замедленной съемке повернулся, глянул на нее удивленно.

– Что значит – оторвана голова? – спросил Егор.

– Кукла лежала без головы! – почти шепотом произнесла Вика. – Голова обнаружилась метрах в трех. И она не была оторвана, Егор. Ее кто-то аккуратно отрезал.

– Неси мне ее сюда, – потребовал он, прищурившись.

– А ее нету. Я выбросила. Испугалась и выбросила, – растерянно моргнула она раз-другой. – Меня такой ужас обуял, что я выскочила за ворота и бросила ее в мусорный контейнер.

– Зачем? Вика, ты дура? Если кто-то пробрался в сад – а по-другому быть не могло, если куклу вы оставили там, – то этот кто-то наследил. Он, возможно, подходил к дому и наблюдал за вами сквозь окна. А ты уничтожила улику! На которой могли остаться его пальцы.

– А почему его? Может, ее? – она подняла на него бледное лицо, губы подрагивали, глаза округлились. – Вдруг это снова она? Та мстительница, о которой ты мне рассказывал? Я видела несколько дней подряд какую-то темную машину неподалеку. Она подолгу стояла. И из нее никто не выходил.

– Разберусь...

Он быстро вышел из кухни и в два прыжка поднялся по лестнице в детскую, где спала Машка. Ребенок раскинулся во сне, развернувшись поперек кровати. Крохотная пухлая

ножка выскользнула сквозь деревянные прутья, свесилась. Подойдя на цыпочках, он присел на корточки, дотянулся губами до розовой пяточки и поцеловал.

Господи! Если с этой малышкой что-нибудь случится, он просто перестанет жить! В ней сейчас смысл всей его жизни. Это известно Вике, это известно всем. И той группе мстителей, несогласной с выводами следствия по катастрофе. Если они решили мстить ему подобным образом...

Он осторожно вышел, прикрыв дверь. Вошел в свою спальню, расположенную справа от детской – слева была спальня Вики, – взял телефон с прикроватной тумбочки. Думал недолго. Набрал ее номер.

– Алло, – ответила она мгновенно. – Егор? Вы?

– Я. Не отвлекаю?

– От чего? – она вздохнула.

– От тренировок или...

– Я уволилась, Егор. Шныров не простил мне отказа. Он прислал начальнику лагеря фото, где я... Где этот мажор...

– Я понял. Тебя уволили.

– Да. Но заявление я написала по собственному желанию. Уже неплохо. И денег выплатили прилично. Так что я могу...

– Саша, ты приезжала к моему дому? – перебил он и зазмурился, представив сейчас ее лицо.

Высокие скулы, жесткая складка вокруг рта, тонкие ноздри, злые зеленые глаза. Они всегда были злыми. А пять лет назад еще и несчастными и почти всегда заплаканными.

Как, интересно, она сейчас смотрит? Снова злится, недоумевает?

– Не успела, если честно, – пробормотала она после паузы. – Признаюсь, хотела начать снова за вами присматривать. Шныров не уймется. Он продолжит. Отказалась я, согласится еще кто-то. Я хотела потихоньку подъезжать к вашему дому, встать подальше от подъезда и...

– Я не о том доме, Саша, – снова перебил Егор, поверив ей с первых слов.

Эта несчастная девчонка с нервной походкой и неуживчивым характером не могла и не хотела врать. Она сразу призналась ему пять лет назад, что следит за ним. И не перестанет. Использует любую возможность, каждую его промашку, чтобы отомстить.

Она его ненавидела тогда и не врала.

– А о каком еще доме? Вы переехали? – В голосе послышалось легкое беспокойство. – Из-за меня или из-за Шнырова? Блин... Он же вас найдет все равно. У него достаточно длинные руки, как я уже поняла. Он найдет, а я не успею!

– Куда не успеешь? – усмехнулся Егор.

Саша тараторила и волновалась. Искренне волновалась. Это он тоже почувствовал сразу.

– Не успею его остановить! – выпалила она. И добавила со странным надрывом: – Он же не остановится. Блин! Он одержимый!

– Я снял дом на лето, до осени. Для дочери и ее няни. Она

троюродная сестра...

– Будто я не знаю! – весело фыркнула Саша. – Это не секрет. Шныров в своем блоге подробно описывает состояние ваших семейных дел. И плевать ему на неприкосновенность частной жизни. Кстати, почему не привлечете его за это? Это незаконно! Со мной пять лет назад не особо церемонились. И мне...

– Позавчера няня в саду забыла куклу моей дочери, – не стал дослушивать ее упреки Степанов. – А вчера нашла ее расчлененной. Голову кто-то аккуратно срезал чем-то острым. И еще она заметила машину, которая стояла несколько дней недалеко от наших ворот. Никто из нее не выходил и не садился. Машина, простояв несколько часов, исчезала.

– В смысле, уезжала?

– В смысле уезжала, а не телепортировалась. – Он улыбнулся, поймав себя на мысли, что ему нравится общаться с этой нервной девчонкой. – Номеров она не запомнила. Марку тоже. Но машина была темная.

– Моя белая! – выпалила Саша. – И я не была там. Даже не знала, что вы сняли дом за городом, блин! А кто-то, получается, узнал. Это Шныров! Точно он или кто-то из его команды. Егор, что вы намерены делать?

Он слышал ее возбужденное дыхание в трубке, оно странно щекотало ему ухо. И успокаивало. Он улыбнулся.

– Я намерен нанять своей дочери и ее няне охрану.

– Хорошая идея, – подхватила Саша. И заспешила, про-

глатывая окончания: – Могу даже порекомендовать одного человека. То есть не его самого, а он сможет помочь. Когда я увольнялась, начальник лагеря дал мне визитку. Сказал, что тот помогает людям, попавшим в сложные ситуации. Бывший полицейский, как и начальник лагеря. А мы с вами знаем, что бывших полицейских не бывает, так? Так. Поэтому я могу дать вам его телефон и он...

– Саша, я хочу нанять тебя, – остановил он поток ее скороговорок, переходя на повелительный тон.

Она молчала долго. И ее шумное дыхание вновь щекотало ему ухо. Он уже подумал, что она готова отказаться и, возможно, это не лучшая его идея. Как ее воспримет Вика? Она сложная, неуживчивая. А Машка как к новому человеку отнесется? Она же совсем-совсем маленькая.

– Я должна буду охранять вашу дочь, Егор? – тихим голосом отозвалась Саша после продолжительной паузы.

– Да, и, по возможности, ее няню. Обязанностей на самом деле не так уж много. Обеспечивать их безопасность и наблюдать. А это ты умеешь. Платить много не смогу, – предупредил он, не услышав от нее ни слова. – Вике уже плачу. Остается не так много от моей зарплаты и того, что удастся заработать сверху.

– Частному инструктору по стрельбе плохо платят? – хмыкнула она, давая понять, что и это тоже про него знает. – Или все ваши клиенты сейчас на Мальдивах?

– Сашка, зачет.

Он даже рассмеялся, хотя должен быть серьезен, как никогда. Он нанимает охрану дочери, не уборщицу.

– Что скажешь?

– Я согласна. Но денег не возьму, – проворчала она. – Мне выдали неплохое выходное пособие. Несколько месяцев могу безбедно существовать. А ваша дочь... Вдруг она меня не примет, я ей не понравлюсь?

– Ей необязательно тебя видеть. Охранник не нянька.

– Понятно. Когда надо приступать?

– Еще вчера...

Он надиктовал ей адрес. Уверил, что обязательно дождется и представит Вике. А также позаботится о жилье для нее.

– Флигель в саду устроит?

Ее устраивало. И о питании позаботится сама.

Егор отключился и с минуту размышлял о том, как сообщить об этом Вике. Потом решил, что хозяин все же он. И объяснять ей ничего не обязан. Она просто должна принять это как заботу о собственной, в том числе, безопасности.

– Ты сумасшедший?! – Вика даже Машку кормить бросила, вытаращив на него глаза. – Она... Она у психиатра наблюдалась после истории с тобой! Ненормальная! Я ее близко не подпущу сюда! Нет!

– Не у психиатра, а у психолога.

Он отобрал у нее ложку, присел перед детским стульчиком, в котором Машка уже проявляла беспокойство, пытается поймать ручкой ложку с мясным пюре.

– И мне решать, не тебе, Вика, – жестко глянул он. – Я знаю ее. Узнавать кого-то еще у меня просто нет времени.

– Она хотела тебя убить! – фыркнула няня его ребенка. – Она следила за тобой не один месяц! Она тебя ненавидела. Ты убил ее брата. Какие еще аргументы привести?

Он осторожно вытер салфеткой Машкин подбородок, поцеловал дочку. Вытащил ее из стульчика и пошел с ней в сад. Но у самой двери остановился и глянул на сердитую Вику, гремевшую посудой в раковине.

– У нее был миллион возможностей для того, чтобы отомстить. Она дышала мне в затылок. Но не сделала этого. – Он подумал и закончил: – Если бы она хотела меня убить, то убила бы. Она бы смогла.

Глава 9

Глеб Владимирович осторожно спустился с лестницы второго этажа. Подкрался к двери в гостиную. И замер, вслушиваясь в бред Инги.

– Игнаша, я очень соскучилась, очень, – бормотала она сдавленно. – Когда мы уже увидимся? Скоро? Но когда?

Последовала пауза, в течение которой его супруга медленно ходила по комнате. Он слышал ее шаги, шелест халата, скроенного из тяжелого шелка.

– Я понимаю, сынок. Понимаю, что ты опасаясь его гнева. Но он поймет. Тем более что все оказалось не так, как вначале. Та девушка... Твоя девушка... Мы виделись с ней пару дней назад. Она показывала мне ваши общие фотографии. Вы там такие счастливые. Если он это увидит, то поймет, как ошибался в тебе. Дорогой мой...

Инга снова умолкла, продолжая ходить кругами по комнате. Глеб Владимирович слушал, затаив дыхание.

– Да, я понимаю, что тебе нужны деньги, но пенсия еще не пришла, дорогой. Да, да, через пару дней. Хорошо? – Инга остановилась и тяжело вздохнула. – Я уже и так все перевела, что у меня было, по этому номеру телефона, милый. У меня больше ничего нет. У него... У него просить бесполезно. Пока он с тобой не помирится, он не даст тебе ни рубля. Ты же знаешь его... Хорошо. Созвонимся еще, да...

Глеб Владимирович осторожно попятился, понимая, что разговор заканчивается. Нырнул в кухонный проем, подошел к холодильнику и широко его распахнул, наклонившись к контейнерам с овощами.

– Ты голоден? – оглушил его сзади голос жены.

– Что? – он выпрямился. – Нет. Просто собирался в город на рынок и хотел посмотреть, чего у нас нет.

– Нет никакой нужды тратить деньги на продукты с рынка в городе. Все дороже и не такое свежее, – разумно заметила Инга, странно его рассматривая. – И у нас полным-полно овощей.

– Да. Вижу, – он захлопнул холодильник. – Но мне все равно надо в город. Ты со мной?

– Нет. Не хочу. – Она отрицательно замотала головой. – А тебе туда зачем? Если овощи имеются, то...

– Овощей я хотел купить попутно, Инга. – Он стиснул зубы, чтобы не наорать на сумасшедшую жену. – Мне надо в город по делам.

– Хорошо. Надо, значит, надо. Не нервничай.

Она тяжело опустилась на стул за столом, тяжелый шелк ее халата вздыбился острыми складками. Где она его откопала? Глеб Владимирович покосился неприязненно. Он помнил этот халат. Она его покупала в Таджикистане, еще когда он там служил. Халат сразу ему не понравился – стоил дорого, коробился по подолу и спине. И он устроил Инге разнос. Она его убрала подальше и до недавнего времени не вспо-

минала. А теперь вдруг достала. С чего это? Чтобы досадить ему – своему мужу? Сначала бутерброды за завтраком подсовывает, которые он не переваривает. Теперь в ненавистный халат вырядилась.

Глеб Владимирович снова вернулся к холодильнику. Достал диетический йогурт. Расположился с ним за столом напротив жены, посматривая исподлобья. Она молчала, тупо уставившись в пол.

– Инга, – окликнул он тихо. – Что-то не так? Ты не заболела?

– Нет, – бодро отозвалась она и тут же, помявшись, мотнула головой. – Хотя да, ты прав. Я не совсем здорова. И мне нужны деньги на обследование.

– Деньги? Зачем? – изумился он искренне. – Мы с тобой лечимся в ведомственной клинике. А там все бесплатно.

– Я туда не хочу. Я хочу в другую клинику. А для этого нужны деньги. – Ее лицо покраснело, глаза сузились. – Тебе жалко для меня денег? Жалко денег на лечение собственной жены? У тебя же есть накопления. Много! Я знаю! Почему ты жадничаешь? Детей у нас теперь нет. Внуков не предвидится. Зачем тебе столько?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.